

Влад Костромин

Воробьиная ночь
(Карловка-3)

Влад Костромин

Воробьиная ночь. Карловка-3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422152
ISBN 9785005185785*

Аннотация

Преследуемые сворой жителей Карловки Андрей Иванович и смертельно раненый Виталий скрываются от погони в заповеднике. Кажется, что это конец, но на самом деле все только начинается... Продолжение мистических триллеров «Змеиный узел» и «Кукушкины слезки», а также логичное продолжение романов «Шпулечник» и «Каникулы в Простоквашино» (Шпулечник-2).

Содержание

Воробьиная ночь (Карловка-3)	5
Пролог	6
I	9
II	39
III	71
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Воробьиная ночь

Карловка-3

Влад Костромин

© Влад Костромин, 2020

ISBN 978-5-0051-8578-5 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-8579-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воробьиная ночь (Карловка-3)

Преследуемые сворой жителей Карловки Андрей Иванович и смертельно раненый Виталий скрываются от погони в заповеднике. Кажется, что это конец, но на самом деле все только начинается... Продолжение мистических триллеров «Змеиный узел» и «Кукушкины слезки», а также логичное продолжение романов «Шпунечник» и «Каникулы в Простоквашино (Шпунечник-2)».

Пролог

Я медленно крался вокруг поляны, выбирая место получше. Вот, вроде то, что надо – все хорошо видно. Возле костра на поваленном стволе дерева сидел мужчина, время от времени поворачивающий деревянный вертел, лежащий на двух рогульках. Дразнящий запах жареного мяса заставил меня сглотнуть слюну.

– Проголодался, касатик? – в затылок деликатно, будто теленок в мамкино вымя, ткнулось что-то холодное.

Щелчок предохранителя подтвердил мою худшую догадку. Проверять калибр ствола в руках неизвестного желания не было.

– Есть такое, – осторожно подняв руки, согласился я. – Не завтракал сегодня.

– И не обедал? – в голосе слышалась насмешка.

– И не обедал... – я едва удержался, чтобы не кивнуть.

Кто знает, как он отреагирует? Еще дрогнет палец нена роком и все...

– Оружие есть?

– Есть. ТТ за поясом.

Рука ловко забрала пистолет.

– Еще?

– Нож в кармане и другой в ботинке.

– На охоту собрался?

– Места-то дикие, мало ли...

– Верно. Ничего не забыл?

– Топорик еще есть, в чехле на поясе.

– Хорошая штука, – топорик покинул чехол, – ладная.

– Виталий, – громко сказал мужчина у костра, – будь вежлив, прояви гостеприимство. Пригласи гостя на огонек.

– Милости прошу к нашему скромному шалашу, – Виталий легонько подтолкнул меня в спину. – Только не балуй, у меня нервы слабые.

– Спасибо, что предупредил. Учту.

Я вышел на поляну и не спеша подошел к костру.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я Андрей Иванович, а тот молодой человек, что настырно и бесцеремонно тыкал в вас стволом, Виталий. Присаживайтесь, – указал на поваленное дерево.

Я беспрекословно сел.

– Что привело к нам? – светским голосом спросил Андрей Иванович.

– Я просто гулял.

– С пистолетом за поясом? – послышался голос Виталия.

Он на поляну не вышел, скрываясь в зарослях, и, как я подозревал, продолжая на всякий случай держать меня на прицеле.

– Так получилось...

– Знаете, молодой человек, я бы рекомендовал вам рассказать нам правду. Виталий у нас большой специалист

по допросам и лучше его не вынуждать.

– Я после психушки жутко кровь не люблю, – подтвердил Виталий.

Судя по голосу, он сместился с прежнего места – грамотный парень.

– Я расскажу, только боюсь, вы мне не поверите.

– А ты не бойся, облегчи душу.

– Как скажете, слушайте.

I

Я спокойно заканчивал субботнюю утреннюю тренировку на детской спортивной площадке возле торгового центра. Отжимался на перекладине и никого не трогал. И хотя сверху видно всё, на подъехавшую и остановившуюся напротив площадки машину никакого внимания не обратил. Мало ли – может покупатели не могут найти парковку перед супермаркетом. Или с пятницы пьяные и плохо соображают, подъехали чтобы холодного пивка взять. А может просто заблудились, и желают уточнить дорогу. Пару лет назад на этой площадке у меня спрашивали, как проехать. Правда, тогда не заезжали на пешеходную дорожку, а пассажир авто пришел спросить с проезжей части. Мне какое дело? До тех пор пока пара интеллигентного вида гамадрилов, упакованных в костюмы, не вышла из машины и целеустремленно не направилась ко мне. Я спрыгнул с турника и внимательно следил за их приближением. Не люблю незнакомых людей, явно идущих ко мне с неясными намерениями. Да и кто любит? Если только мазохисты и будущие терпилы...

– С вами хотят поговорить, – значительно изрек левый.

– Да ради Бога, – вежливо ответил я, прикидывая с кого из них начинать, – хотят, пускай говорят.

– Придется проехать с нами, – продолжил левый. Видимо он играл роль мозгового центра. Или был аффилирован

на связи с общественностью, вроде некоего страпонотерпца, имя которого «настолько известно...».

– Проехать с вами я не могу, – также вежливо продолжил я, потихоньку продвигая руку к карману, где привычно лежал складной нож, – у меня денег с собой нет. Как я обратно вернусь? Пешком? Так у меня ноги болят. И вообще, мне домой уже пора. Меня завтрак ждет.

– Мы отвезем вас назад.

– Спасибо, не надо. Я домой и пешком дойду. Мне недалеко. Спасибо еще раз, что скрасили моё утро. До свидания, а лучше, прощайте, – я попытался выбраться из клетки спортивной площадки, но был остановлен рукой правого, перегородившей выход.

Первым рефлексом было сломать эту нахальную конечность, но зрение у меня не настолько плохое, чтобы не прочитать надпись на «ксиве», зажатой в руке.

– А ордер у вас есть? – прекрасно зная ответ, трагическим голосом спросил я.

Ответ оказался именно таким, какой я и ожидал.

– Нам ордер не нужен, – веско произнес левый, – и вообще: быстрее поедете с нами, быстрее вернетесь.

Спорить с подобной мудростью резона не было. Доводить до вооруженного конфликта с сотрудниками спецслужбы тоже особого смысла не было. Я высморкался, совершенно случайно попав на носок туфли левого, и прошел между ними, направляясь к машине. А что еще мне оставалось делать?

Вот так я и оказался в кабинете без таблички в местном «желтом доме» Управления ФСБ.

В комнате, по размерам напоминающей конференц-зал, меня ожидал сюрприз. Не то чтобы очень приятный, скорее даже наоборот, но все-же. Всё же всегда приятнее, когда по почкам тебе бьет давний знакомый, которого много лет не встречал, чем человек, которого ты видишь первый раз в жизни. Тем более, пока что по почкам меня никто не бил.

– Возвращение блудного сына, – он расплылся в довольной улыбке, как матерый волк-педофил при виде юной Красной шапочки, несущей бабушке пирожки и маслице, вполне способное сыграть роль лубрикатора, – давненько не виделись.

– Четырнадцать с половиной лет, – мысленно сосчитал я, – и не сказать, что я по вам сильно соскучился, товарищ полковник. Или всё-таки господин?

– Товарищ, – он продолжал добродушно улыбаться, – а ты что-то товарища не рад видеть. Нехорошо.

– Угу. В нашей жизни вообще мало хорошего. И вообще, Николай Васильевич, мне домой пора.

– Домой тебе пора, – согласился, – только не туда где ночуешь, а поближе к родным местам. Не тянет на Родину?

– Тянет, но всё некогда съездить. Вот и сейчас уже опаз-

дываю. Ну, так я пойду?

– Не спеши. Дело серьезное.

– Насколько?

– Нечистое что-то творится в том районе, – закурил и внимательно посмотрел мне в глаза, – хочу, чтобы ты проникся серьезностью ситуации.

– Я проникся, видя, как вы курите в общественном месте.

– Дурацкая шутка, – выпустил дым к потолку.

Пожарная сигнализация покорно снесла это издевательство и промолчала.

– Что значит «нечистое»? И насколько серьезна ситуация?

– Да вроде как бы и ничего особо такого, но все же. Сначала начали кошки и собаки пропадать. Потом люди. Теперь вот участковый пропал.

– Пропажа людей дело житейское, чего тревогу бить? А участковый... Может, загулял просто? Ныне Анискиных нету, идёт всякая ленивая шелупонь в участковые. Чего в этом нечистого?

– Участковый докладывал, что в лесу головы сложены. Собак и кошек, – потушил «бычок», – пирамидами сложены...

– Сатанисты доморощенные? Ныне этой нечисти полно среди молодежи. Откуда только берутся? Лучше бы она низмом занимались. Или там просто разборка из-за земли? Может кто-то хочет подешевле землицы прикупить. «Земля крестьянам» и прочие сказки, сделанные былью. Или там заросли шибко ценного леса либо нефть прямо у поверхности.

Копай яму и черпай «народное достояние».

– Вот ты и должен разобраться, что там и как. Ты же сатанистов гонять любишь... Да и на дачах жил, так что тебе самое то.

– А вы своих не пробовали посылать?

– Не можем мы своих туда послать, нет пока причины.

– А что на работе мне сказать?

– С работой всё улажено. Тебе дадут отпуск. За свой счёт.

– За свой счёт? Ваша щедрость не знает границ! Сэкономить пытаетесь, товарищ полковник? Да и меня не жалко в случае чего? Кстати, как насчёт командировочных расходов?

– А просто Родине послужить, желания нет?

– После того, как увидел «харизму» одного типа, плетущего о патриотизме и узнал, почему ныне струны для виолончели... Пускай, сначала, они, бесплатно Родине послужат, а уже потом и я стану альтруистом. А то у меня почти к сорока годам даже часов наручных нет, в отличие от некоторых. Пускай футболисты из сборной за зарплату в двадцать тысяч рублей мячик пинают – вот тогда и будете меня к патриотизму призывать. Или...

– Ишь ты, как разговорился! Совсем страх потеряли в своих интернетах! – укоризненно погрозил пальцем.

У меня мелькнула мысль, не сломать ли этот палец, но по здравому размышлению я решил воздержаться от членовредительства.

– А вы не забывайте, что я не ваш сотрудник. Могу развернуться и уйти. Воистину был прав Конфуций: возвысь низких и уничтожь благородных и всё – кирдык Государству!

– Ладно, хватит демагогию тут разводить! Командировочные, конечно, получишь, мы же не звери, но немного. Зачем тебе в лесу деньги? – достал из стола и двинул в мою сторону конверт. – Ты сильно там не шикуй, не в Крым едешь и не в Сочи. За расходы потом отчитаешься.

– Оружие? – безнадежно спросил я, глядя на скользкий по полированной столешнице, между прочим, не такой уж и пухлый конверт.

– Может тебе еще ключи от квартиры дать? Оружия не будет – у тебя же разрешения нет. Какое тебе оружие? Там менты и так в напряге. Еще не хватало приезжего с оружием. Ты приехал проводить дядю – зачем тебе оружие?

– Дядю?

– А что, не тянет проводить родственника? Вдруг, он там не в шутку занемог? Не звонит и не пишет – ты волнуешься за старичка и решил навестить. Взял отпуск за свой счёт и приехал. Идеальное прикрытие – комар носа не подточит. И учти, мобильной связи там теперь тоже нет.

– Кризис?

– Нет, не кризис. Там и раньше была зоны не уверенного приема, а теперь аппаратура на вышках сотовой связи в прилегающих районах повреждена.

– Восстановить не судьба?

– После пропажи пары наладчиков, или как они там, у ОПСОСов, называются, восстанавливать связь в том районе что-то не рвутся. Так что связи у тебя тоже не будет. Будет только вот это, – через стол, повторяя маршрут конверта скользнула коробка спутникового телефона.

– Русский «айфон»? Или что там должно было Сколково сляпать? – скептически рассматривая девайс, спросил я. – Лучше бы конверт был такой толщины... Кому хоть звонить с него?

– А звонить никому и не надо. Если все будет нормально, нажмешь «1». Если нет – нажмешь «2».

– И что будет на два? Термоядерный взрыв? Или просто напалмом район накроете?

– Вот этого я тебе не скажу. Но если решишь посмотреть, что случится, то лучше завещание оформи заранее.

– Понятно. Проезд хоть оплатите, или тоже за свой счёт?

– Экий ты братец стал меркантильный. Там вполне хватит и на проезд и на харчи. Еще и дяде на бутылку останется.

– Вот от вас и передам бутылку, – видя, что дискуссия всё равно не становится конструктивной, сказал я. – Разрешите идти?

– Иди, конечно, – пожал мне руку.

Хотелось сплюнуть, но как человек культурный, плевать на пол в казенном кабинете я поостерегся. Мало ли, а то еще и конверт отнимут. С них вполне станется отправить в лес с голой жопой, в бобровой шапке. И с документами на имя

какого-нибудь Фимы Абрамовича Кочерыжкина. А учить-вая церберов на входе, еще и по ребрам могут насовать, для профилактики правонарушений. Да, мельчает душой народец на службе государевой. Если она изначально у них была, душа.

– Чем-то вы мне Щелкунчиков напоминаете, – решил я вежливо проститься с охранниками у двери.

– Не понял, – напрягся один из них, от непосильной мыслительной работы пойдя желваками.

– Не в том смысле, который ваш однопартиеец Моисеев вкладывает в это название, а в плане общей деревянности, – любезно разжевал я свою заковыристую мысль. – Зажатые вы какие-то, что ли. Как деревянные солдаты Урфина Джуса. Читали книжку в детстве? Или вы кроме «Плейбоя» ничего сроду не читали? И в том только картинки смотрели?

– Иди отсюда, пока есть на чем, – посоветовал мне второй, напыжившись для грозности.

– Мы проводим, а то мало ли что, – раздался голос из-за моей спины.

Обернувшись вполоборота, чтобы не выпустить из поля зрения «деревянных солдат», я обнаружил подкрадывающихся Правого и Левого.

– О, Джонсон и Джонсон вернулись! – улыбаясь, словно лучшим друзьям, поприветствовал их. – Успешно сходили?

– Мы проводим, – повторил Правый. – А то вдруг заблудится или бумагу украдет в туалете.

– Украдешь тут у вас, – пробурчал, протискиваясь мимо неразлучной парочки. – Да и она небось с гербом... Поехали за бухлом.

– Куда? – на два голоса вылупились они на меня.

– Что значит куда? Туда, где подешевле. Неужели не знаете мест? Или вы по-другому? – я зажал ноздрю и изобразил процесс всасывания «дорожки».

– Поехали, клоун. За бухлом так за бухлом, – согласился Левый.

– На смерть только не убивайте, оставьте и нам, – проявил зачатки юмора один из «деревянных солдат».

Идея с бутылкой была не такой уж и плохой. Не знаю насчёт дяди, но при контакте с участковым, ежели он вдруг обнаружится, вполне пригодится. Да и с местными аборигенами всегда контакт лучше устанавливать, начиная со своего спиртного. Поэтому спортивную сумку я почти целиком загрузил пивом и водкой. Всё-таки к дяде «самых честных правил» путь держу. Попробуй, докопайся. Сначала один автобус, потом второй, до Михновского сельского поселения. Последний отрезок пути, километров в восемнадцать, шел пешком. Надо было рюкзак брать – тащить сумку с пивом на плече не так и удобно. С другой стороны – человек с рюкзаком всегда подозрителен. А со спортивной сумкой – милое дело. Может я начинающий предприниматель, волоку-

щий первую партию товара, с которой пойдет моё стремительное вознесение в ряды бизнес-элиты? Хотя, это вряд ли, задница у меня не той системы. Проще уж нефть обнаружить в лесу. Развлекая себя подобными пустыми мыслями, шагал по весенней грунтовке через лес.

Морально напрягала тишина, царившая в лесу. Не было слышно пения птиц. Судя по следам на дороге, и учитывая погоду прошедшей недели, с которой меня любезно ознакомил интернет перед поездкой, не сказать, чтобы особым спросом последнюю неделю эта местность пользовалась. А зря, грибы тут раньше были вкуснейшие. Тем более было самое время пройтись по подлеску в поисках сморчков, строчков и мэтушек. Да и любителей так сказать «культурно отдохнуть на природе», что в последние годы выражается в безудержном потреблении алкоголя, шашлыках и ставших следствием всего этого лесных пожарах, сие живописные места не могли не соблазнить. А вот судя по следам и отсутствию мусора и кострищ в пределах прямой видимости – не соблазнили. Кстати сказать, отсутствие мусора само по себе тревожило. Российские леса давно и основательно загажены – а тут такого не наблюдалось. Ощущение было, что кто-то на данном участке лесной местности объявил субботник. Вопрос: кто? Не пропавший же участковый, озверевший от конфискованного самогона, вывел вымирающих сельских жителей и немногочисленных дачников на уборку леса? Однако идея с грибами вполне оправдывает небольшой

крюк, предпринятый мною по лесу. Особенно в глазах наблюдателей, которые мне чудились уже не первый километр пути. А чутью я привык доверять...

Хотя, встречались мне уже на русских просторах такие места, где чувствуется чей-то взгляд. Под воспоминания я решил покинуть дорогу и свернуть в лес. Может грибов захотел поискать, а может просто по нужде приспичило. Благо и тропиночка была в зарослях. Через пару метров резко остановился, созерцая лежащую поперек тропинки гадюку. Толстая тварь, скажу я вам. Туловище лежит поперек, а голова и хвост в кустарнике теряются. Попробуй, сообрази, с какой стороны шандарахнет. У меня давняя неприязнь ко всей этой жалящей нечисти, я своего рода герпетофоб. Возможно, это во мне на генетическом уровне еще со времен искушения Евы, а может, просто жива была память об укусе гадюке, полученном в раннем детстве. Конечно, старые испытанные берцы давали определенные шансы в противостоянии чешуйчатой твари, но особо нарываться не хотелось. Сомневаюсь, что там, куда я топаю, найдется сыворотка от ползучей напасти. Змеи существа несоциальные, и если решают напасть, то никакая демонстрация миролюбия их не остановит.

Постояв так пару минут и, обратив внимание на странную неподвижность этой Божьей твари, решил рискнуть и взмахнул как та царевна, но не левым крылом, а левой ногой в направлении, в котором, судя по рисунку на теле змеи,

предположительно, находилась ее голова. Никакой реакции не последовало. Странно. Махать правой ногой уже не имело смысла, если только в качестве разминки, и я просто ткнул носком в распростертое передо мной тело. Подобная неподвижность могла объясниться лишь одним.

Визуальное исследование извлеченной из кустов змеи блестяще подтвердило мою смелую гипотезу о смерти оной. Причем, смерть, судя по внешним признакам, наступила не так уж давно. Причиной скоропостижного ухода рептилии в Вирий послужило полное отсутствие головы. Змее, насколько бы мерзкой и ядовитой она не была, такое не под силу. Способ отделения головы я затруднялся определить точно – уж больно измочаленным было место ее крепления, но грибов резко расхотелось. И то верно – мясо для растущего организма гораздо полезнее. Тщательное исследование ближайших окрестностей не выявило ни наличия отсутствующей головы, ни признаков того, кто соорудил столь броский шлагбаум. Проверять какие еще сюрпризы ожидают меня, в случае углубления в лес, я не стал и, помахивая трофейной змеей, вернулся на дорогу.

Спустя минут тридцать неспешного шага подобрался к околице. Назвать ее полноценной околицей язык не поворачивался, ибо деревня органично перетекала в лес, но надо же было как-то обозначить этот рубеж? Странно, каких дачников могло занести в такую глушь? Хотя, вполне допускаю, что люди небогатые могли бы задешево прикупить

в этой глуши брошенный дом и приезжать отдыхать на лето. Учитывая количество людей в стране, едва шагнувших за черту бедности – вполне реальный вариант. Опять же, оставшиеся местные жители могут присмотреть за домами в зимний период. Старые деревни это не поселки-новострой с повально пьяным населением и местной гопотой, ищущей, где найти на бутылку. В старых, вымирающих русских деревнях порядки совсем другие. Там еще силен старый обычай деревенского мира. Хотя, благодаря усилиям Власти деревни всё активнее и активнее умирают. Понятно, что при таких затратах на олимпиады, струны виолончелей и мундиали, средств на поддержание деревни в бюджете не остаётся.

В деревне между тем тоже царила странная тишина. Если отсутствие крупного рогатого скота можно было объяснить старческой немощью большинства жителей и полной нерентабельностью содержания в нынешних экономических реалиях, то отсутствие кур опять-таки было тревожным признаком. Вы хоть одну российскую деревню без кур встречали? Лично я нет. Ступив на деревенскую улицу, оглянулся на лес. Хм, впечатляюще. В кроне молодой березки кто-то художественно выщипал листья, и в косых солнечных лучах возникало ощущение, что из леса на меня смотрит человеческий череп. Я даже достал телефон и зафиксировал для потомков. На фото точно так же различался череп. Значит, это не игра воображения, а чья-то реальная кропотливая работа, о художественной ценности которой я судить не брался.

Интересно, кто это сделал, как, и сколько времени на это потратил. Вопрос «зачем» даже не возникал. Что тут непонятного? Сначала шлагбаум из змеи, потом выщипанный в кроне череп – самому тупому должно было быть понятно, что от леса надо держаться подальше.

По памяти я добрался до хаты дяди. Дядя, насколько я понимал, никакой живности последние годы не содержал. Минувя стоящую возле дома телегу, направился к двери. На крыльце, практически перекрывая проход, стояла деревянная бочка. Хорошая такая бочка, дубовая. На Руси испокон веков при изготовлении бочек для разных продуктов применялось разное дерево. Для мёда – липа, для соления огурцов – осина, для квашения капусты – ольха, для вина – дуб. Отсюда, кстати, если вы не знаете, и пошло выражение «полный дуб» для определения плохо соображающего человека. Вот только зачем её ставить на крыльце? Может, хозяйственный родственник просто не доволок в дом? Зачем тогда наполнять ее мелкими речными окатышами? Чтобы не украли? Дверь была заперта. Что интересно, заперта изнутри, также как и ставни, закрывавшие окна. Еще одной примечательной деталью был бумажный портрет Иосифа Виссарионовича Сталина с выдолбленными глазами, пришпиленный к существенно посеченной двери.

– Однако, порядки тут у них, – негромко проговорил, проведя пальцем по оскверненному портрету и пытаясь понять, кто и чем это сделал.

Поставив сумку на крыльцо, вежливо постучал, пытаюсь понять, что произошло с дверью. Походило это на расстрел дробью различного калибра, которому кто-то помог стамеской. На стук никто не отозвался, и я постучал ногой. Вдруг из развороченного лица Генералиссимуса Великой победы на меня глянул желтый глаз, а за дверью раздался пугающий сухой щелчок.

– Таки здравствуйте, – произнес я, осторожно делая шаг от двери назад, чтобы целиком попасть в обзор и медленно, стараясь не делать резких движений, поднимая руки вверх.

Глаз в обрамлении бумажных лоскутков какое-то время, не мигая, пристально как засыпающий карп, рассматривал меня и болтающуюся в руке змею, а затем мигнул и исчез. Раздался лязг отодвигаемого засова, и дверь слегка приоткрылась.

– Заходи быстро! – раздалось из темноты дома.

Не заставляя повторять приглашение дважды, я подхватил сумку, протиснулся мимо бочки и ужом ввинтился в сени. Внутри ожидал дядя, в руках которого была крепко зажата Мосинская трехлинейка. Судя по высокой мушке с отвесными боками, выступу снизу шомпольного упора и разрезным ложевым кольцам это был модернизированный образец 1891 – 1930 годов. Из такой штуки он бы и через дверь меня, при желании, достал. Странное дело – мозг человеческий. В такие напряженные минуты обращаешь внимания на вещи, которых в другое время даже и не заметил бы. Ну, ка-

кая, скажите на милость, разница, какая из многочисленных модификаций винтовки послужит для тебя билетом в иной мир? Совершенно никакой.

– Еще раз здравствуйте, дядя, – повторил на всякий случай.

Мало ли что придет в голову старику? Может он тут в глуши ослабел рассудком и вообразил себя партизаном? Хотя я и не шибко похож на немецко-фашистского захватчика, но кто может за это поручиться? Умирать от пули выжившего из ума родственника нисколько не хотелось. Впрочем, от пули здравомыслящего не родственника тоже как-то особо не тянуло.

– Проходи, коль принесла нелегкая, – дядя широким жестом указал стволом на дверь в дом. Надо заметить, что почти четыре килограмма стали и древесины в его руках смотрелись весьма уверенно. Рука у родственника, несмотря на преклонные годы, по всему видать была еще крепка. Я открыл дверь и, перешагнув высокий порог, покинул сени, причудливо подсвеченные лазерами солнечных лучей, пробивающихся через множество мелкие отверстия в двери. Дядя шел следом.

– Садись, горемыка, – ствол гостеприимно указал на стоящий в правом углу стол, на котором, подтверждая худшие подозрения, стояла полупустая «четверть» и глиняная миска с вареной картошкой.

Картину дополняли лежащая на столе старенькая «тулка»

и стоящая посреди стола керосиновая лампа. Сняв со спинки плотно утрамбованный патронташ бурского типа и положив его вместе с несчастной рептилией на стол, я поставил сумку на пол и уселся на плотно сколоченный стул и огляделся. За годы, прошедшие с моего последнего визита ничего по большому счету, насколько можно было разглядеть в обманчивом свете острых солнечных лучей, пробивающихся через порядком продырявленные ставни, в доме ничего не изменилось, если не считать висящего в «красном углу» портрета Горбачева, вырезанного из какого-то цветного журнала. Раньше, если меня не подводит память, там висели портреты Ленина, Сталина и Андропова.

– А что тут у вас происходит? – невинным тоном поинтересовался я.

– Известно что. Пришло наказание за грехи наши, – дядя крутанул головой и уселся на застеленную воглым солдатским одеялом кровать.

Что интересно, ствол винтовки, лежащей на его коленях, будто ненароком был направлен в мою сторону.

– В смысле? – понимая, что в этом доме все-таки не «все дома» для поддержания разговора поинтересовался я.

Дядя проигнорировал вопрос и продолжал пристально рассматривать меня:

– Давненько мы с тобой не виделись.

– Последний раз тогда, когда я тогда на кладбище приезжал, – счел нужным я внести ясность, начиная уже слегка

нервничать.

– Точно. Где-то так и есть, – отложил винтовку и прошел к столу, зацепив по пути ногой обшарпанный самодельный табурет.

Усевшись рядом со мной и брезгливо посмотрев на змею, достал из ящика стола второй граненый стакан и вилку. Молча налил из стоящей на столе бутылки по стаканам и подал один из них мне. Так же молча чокнулся со мной и одним махом влил в себя жидкость. Я менее уверенно, но последовал его примеру. Самогон был не лучшего качества, к тому же на чем-то настоящий. Но пить вполне можно.

– У меня тут тоже есть кое-что, – полез в сумку и извлек бутылку белорусской водки.

Откупорив ее, наполнил стаканы и протянул один ему.

– Так что тут все-таки происходит?

– Я пошел в лес и попытался убить кукушку, – смотрел на меня глазами совенка, которого внезапно разбудили в полдень и сообщили весть о скоропостижной смерти Леонида Аркадьевича Якубовича.

– Убить? Кукушку? А зачем?

– Устал я. Не умолкала ни на минуту, – он стал еще больше похож на совенка. Но теперь, помимо смерти Леонида Аркадьевича, на встопорщенные перья его обрушилось еще и известие о том, что Верка Сердючка оказалась банальным трансвеститом. – Нашел в лесу старое дерево, пораженное молнией. Сухостой уже полный. Может осина была, может

еще что-то. Спилил, а там внутри дупло. А в дупле гнездо. В гнезде было яйцо.

– А в яйце иголка?

– Какая нахрен иголка?

– Как в сказке про Кощея.

– Нет, Кощея там не было. Было яйцо. Одно. Я как раз накануне читал детский журнал старый про Природу. Не помню, как называется.

– «Юный натуралист»?

– Может быть. Там как раз было написано, что дятел так гнезда делает. Решил забрать его себе и посмотреть, что выйдет.

– И что вышло?

– Вот это и вышло...

– Что «это»?

– Положил яйцо под лампу. Через три дня вылупилась какая-то птичка. Щегол, не щегол. Чиж, не чиж. То ли скворец-переросток, то ли дубонос-недоросток. Одно было ясно, что не дятел. Сидел, клюв разевал и пищал так умильно. Начал я его кормить. Жучков всяких и червячков ему ловил. Он жрал как прорва и рос быстро, хотя так и не понятно было, что за птица.

– Кукушка Мидвича, – задумчиво произнес я.

Дядя настороженно посмотрел на меня, но уточнять, что за Мидвич такой не стал. Перевел взгляд на ставню-дуршлаг и продолжил:

– Ходил за мною по дому и по двору. А потом заметил я, что он телевизор смотрит.

– В смысле, смотрит? Сам включает и смотрит?

– Да нет. Когда я смотрел, то и он наблюдал. Сядет так и то одним глазом в экран глядит, то другим. А потом стал я замечать, что когда он на заборе сидел и пел, то к нему воробьи и вороны прилетали и вокруг сидели молча. Посмотришь – прямо как концерт какой.

– А по пению, что за птица? – опять попытался я внести ясность в происхождение птички.

– Да не поймешь. Вроде как одной птицей поет, а потом вроде как другой. А временами вообще на искаженную человеческую речь похоже было. Причем на воробьев и прочую пернатую мелочь кричал он: «Чвиккеры, чвиккеры», а на ворон и галок: «Клюверры, клюверры».

– Так он еще и различал их, что ли? И кстати, а с чего вообще ты взял, что это самец?

– Да хрен его знает, но мне почему-то казалось, что это он. Начал он по всей деревне летать и прочие птицы стаями за ним. А потом стали кошки пропадать в деревне.

– И много кошек пропало?

– Все и пропали. А потом петух Степанов, попытался напасть на него. Дрянной был петух, драчливый.

– Был?

– Нашли его у Степана во дворе. Без головы и изрядно поклеванного. Степан как увидел, взбеленился и шандарах-

нул из ружья по сидящей на раките вороньей стае, — дядя замолчал, погружившись в себя.

— И? — не выдержав затянувшейся паузы, поинтересовался я. — Дальше-то что было?

— Дальше? — переспросил дядя, недоумевающе посмотрев на меня. — Дальше?

Он не глядя взял бутылку и налил нам по стакану.

— Земля ему пухом. Помянем, не чокаясь, — опрокинул стакан в себя и вновь погружился в раздумья.

— Кого помянем?

— Известно кого... Степана. Сгорел двор его той же ночью. А над пожаром птицы кружились.

— А что, у вас тут много ночных птиц?

— Выходит, что много... — опять погружился в тяжелые думы.

Подождав минут пятнадцать, от нечего делать следя за танцующими в лазерах лучей пылинками и даже став замечать в их движении ритм некой не слышимой музыки, я решил что будет вполне вежливо продолжить столько внезапно прервавшийся разговор и вновь разлил по стаканам.

— Короче, всех тех, кто попытался уйти из деревни мы больше не видели, — очнулся от звука наполняемых стаканов дядя. — Тех, кто остался, но пытался ходить в лес — тоже больше не видели. Во всяком случае, живыми. Голова бабки Дарьи, которая затеяла после всего этого кур рубить, две недели провисела на заборе. Потом только они ее убрали.

– Они? Кто они?

– Птицы, – озвучил парящую в воздухе догадку дядя. – Так и живем теперь. Я да две бабки уцелевших. В лес не ходим, доедаем прошлогоднюю картоху. Они нас не трогают.

– А это как же? – указал я на ружье и винтовку.

– А что толку против целой стаи? Больно дробь-то с картечью поможет? От «винтаря» вообще пользы в этом деле никакой, – пожевал картофелину. – Супа хочется. Грибного, – произнес неожиданно. – А тебя кто послал сюда?

– Послал?

– Не просто так же ты вдруг о родственнике вспомнил, – усмехнулся, окидывая меня взглядом, внезапно ставшим очень цепким. – Были тут до тебя. Крепкие ребята с автоматами. Послушали, посмотрели, не поверили, и пошли в лес. Больше мы их не видели. Одна машина от них осталась. За сараями стоит. Ваши были?

– Нет, моих тут точно не было, – прикидывая как буду выбираться из этого Хичкоковского кошмара, взял ружье и стал внимательно его осматривать. – Ключстеры, мать их куриную за ногу. Я тут сам по себе. Соскучился просто, – вспоминая слова: «Не можем мы своих туда послать, нет пока причины», ответил я.

– Ну, ну.

– У меня консервы есть, колбаса и рыба сушеная. В сумке, – внезапно вспомнил я и, положив на кровать ружье, стал выгружать на стол прихваченное съестное.

Дядя жадно выхватил пакет, рванул шуршащие края и шумно вдохнул рыбный дух.

– Спасибо, сынок, – то ли повело от водки почти натошак, то ли действительно пробило на благодарность.

Машина... Он сказал, что здесь есть машина?!

Через полчаса дядя заснул прямо на столе, положив «винтарь» под голову. Раскуроченные ошмётки еды дополняли картину. Интересно, а почему меня не тронули? – положив посапывающего дядю на кровать и на всякий случай разрядив винтовку, принялся за обыск, неспешно двигаясь по часовой стрелке от входа. Паспорт, еще советские деньги, вачер... А вот это уже интереснее: развернул тряпку, вдохнув аромат ружейного масла. ТТ, довоенный еще, но как новенький. Дядя запаслив, как умудренный жизнью хомяк. Вынул обойму – полная, выщелкнул патрон, понюхал. Передернул затвор, нажал курок. Работает. Зарядил ствол и сунул сзади за ремень. Приятная тяжесть придавала уверенности. Дальнейший обыск ничего интересного кроме пятка медалей и Георгиевского креста не принес. Ничего себе, интересно, откуда он у дяди? Снова взял паспорт и посмотрел дату рождения. Дядя то старше, чем я думал, но не настолько. А вот что паспорт до сих пор гражданина СССР гораздо БОЛЬШЕЙ вопрос. Вернув находки по местам, решил прогуляться и пошёл во двор, минуя две скрипучие двери. По пути подхватил висящий на гвозде в сенях рюкзак. Неизвестно,

что на самом деле происходит. Мало ли что выдумал спившийся старик.

На улице было по-весеннему солнечно, а зелень пробивалась даже между досками крыльца. Видимо, дальше него дядя выходил редко. Хмыкнул, заметив на речной гальке в бочке следы царапин. Неглубокие, иногда всего лишь с точку, будто кто-то, пытаясь расписать ручку, тыкал ей куда ни попадя.

Опять тишина...

Решив, что в случае опасности отсижусь в одном из заброшенных домов, двинулся вперёд. Было странно признаться даже себе в том, что мной двигало. Любопытство? Или для нормального человека отсиживаться, ожидая неизвестно чего, было страшнее? Но это не всегда так, даже если посмотреть на дядю. Но камни же как-то он натащил в бочку... Или не он?

Пробирался по пустующей деревне, приминая некошеную траву. Избы снисходительно посматривали пустыми окнами, но некоторые были с закрытыми ставнями. Интересно, где там остались люди? С такими мыслями я наткнулся на неё.

Женщина в синем платке несла вязанку хвороста, закинув на натруженную спину в красной кофте.

– Эй! – прокричал, привлекая внимание. Старуха распрямилась, ойкнула и, скинув поклажу, понеслась от меня. Ну, понестись ей мешала лёгкая хромота, поэтому я без труда догнал её, по дороге подцепив связку хвороста.

– Ваше? – учтиво протянул связку. Старуха покосилась по сторонам и прошамкала:

– Ты... чегой-то? Чего, а?

– Обронили, говорю. Помочь донести?

Старуха недоверчиво оглянулась.

– А энтот... Откуда ты взялся? Лицо знакомое, но не припомню тебя?

– К Семену Михайловичу... Проездом.

Старуха вздрогнула и льстиво защелбетала:

– Ой, давай вязаночку, сама донесу!

И тут до меня дошло. Хворост. Вряд ли она собирала его в деревне.

– А грибочки хорошие в этом году, не знаете?

Старуха расплылась в понимающей улыбке.

– Дома уже сушатся, но ещё и свежие есть. Так грибочков тебе отсыпать? Ты Семену Михалычу только скажи, что с собой принёс, а не от меня, – засутилась.

– А отчего же? Неужто не оценит вашу помощь? Хворост же, как я понимаю, не в деревне собирали... И грибочки оттуда же... Свежие.

– Так как вы ходите в лес?

Старуха вздохнула. Потянулась за вязанкой. И нехотя поделилась:

– Слушаю я их. Вот и пускают. Иногда.

– А где вы их... слушаете?

Машина оказалась небронированным чёрным внедорожником. Унесли ключи с собой? А вдруг вернется кто-то один? Положив ружье на капот, пошарил в переднем бампере. Пусто. Обошел машину, проверил задний бампер. Бинго. Вот и связочка. Лег на землю, внимательно осматривая днище – мало ли какие сюрпризы могут оказаться? Отошел за угол ближайшей избы, нажал кнопку на брелоке. Машина приветливо пискнула, взрыва не последовало. И то благо. В салоне едко воняло свежей «ёлочкой». В баке осталось достаточно бензина... отложил ружье на соседнее сиденье, обитое чёрным дерматином, повернул ключ, машина легко завелась. То, что она стояла не тронутой, наводило на определённые мысли. Во-первых, довольно бессмысленно удирать на ней от птиц – и это понимал не только я. Во-вторых, те, кто остался, возможно, и не хотел удирать.

Вспомнил о спутниковом телефоне. Нажать единицу – всё в порядке, и поехать отсюда. Благо, транспорт есть. Вечно себе какую-то ерунду придумывают, особенно полковник. Проверить разве что напоследок место, о котором сказала старуха. Просто ради интереса, чтобы убедиться до конца в богатой фантазии моих нанимателей. Что же, понятно, почему полковник ничего не рассказал – я не из легковых и его бы на смех поднял. Так и сделаю при встрече. А пока заглушил мотор, вынул ключи из замка зажигания и опустил в карман.

Открыл бардачок. Стопка одноразовых стаканчиков, пач-

ка влажных салфеток, дорожный атлас. Негусто... Хотя, а чего я ожидал? Что профессионалы что-то оставят в машине? Глупо. Беглый осмотр салона ничего не дал. А вот в багажнике поджидал сюрприз. Воровато оглянувшись, не видит ли кто? Засунул в рюкзак. Рюкзак оставил у колеса.

Вернулся в салон. Без документов ехать на чужой машине – верный шанс нарваться. Да и прав у меня нет. Можно, конечно, проехать через лес и бросить машину возле трассы, а там попутками, но рискованно. И сваливать не разобравшись как-то неохота.

На капот уселся крупный черный ворон и, повернув голову, уставился на меня правым глазом. Я постучал пальцем по лобовухе. Сделав два мелких шажка, птица приблизилась к стеклу и постучала клювом в ответ. Волосы медленно встали дыбом – я явственно различил в стуке: «Союз нерушимый республик свободных». Перестав стучать гимн, ворон снова уставился на меня, хитро подмигивая. Я помотал головой, стряхивая наваждение и пригладил волосы. Решительно распахнув дверь, вылез. Голова ворона повернулась, словно антенна радара.

– Я в гости приехал, – миролюбиво разводя руками, сказал я.

– Кар-р-р-л, – ответил ворон.

– Вася, – вырвалось само собой.

Ворон солидно закивал головой, мол, очень приятно, а потом сделал что-то вроде «ку» в «Кен-дза-дза». Я оглянулся.

На крыше джипа в ряд стояли вороны. Как только крышу не продавили? Таких крупных я сроду не встречал – крупнее бройлеров и клювы чуть ли не по полметра. Я невольно поморщился, представляя, как эти клювы будут терзать мою плоть. Деревья были словно в траурных лентах: покрыты телами напряженно наблюдающих за мной птиц. Понятно, что мне со всей пернатой оравой не сдюжить. Надо договариваться. Положил ружье в салон, закрыл дверцу, подхватил с травы рюкзак.

– Куда идти? – посмотрел на Карла.

Ворон взлетел и не спеша полетел, планируя в теплых потоках. Я, усмехнувшись, двинулся за ним. Следом с крыши снялась почетная свита. Заросшее кладбище, потом болото, на краю которого почему-то оказалась сваренная из арматуры, покрашенная в зеленый кладбищенская ограда. На ней важно восседал он. Я сразу понял, что это Он и есть. от вшпущенного комка перьев так и веяло самомнением. Он сидел на ограде, внимательно наблюдая за мной, и сосредоточенно жевал. Именно это жевание меня и насторожило. Насколько я помню, птицы жевать не могут. Они пищу в зобе перетирают. А этот сидел и жевал. Причем во взгляде явственно виделось презрение ко мне – двуногой твари, лишенной дара полета. Тезис о том, что «человек – царь Природы» явно не был для него веским аргументом. Хотя, в такой глуши и для меня этот тезис потерял своё значение.

– И что вы здесь устроили, маленькие, но очень гордые

птички? – поморщившись от неприятного запаха, принесенного ветерком с болота, спросил я, спиной чувствуя взгляды сотен бусинок-глаз.

Царственный чвикер, прекратив жевать, плюнул в меня. Я стер с лица плевок, посмотрел на ладонь. Как ни удивительно, нахальный птиц жевал жвачку. Кто бы мог подумать?

– Плевать в собеседника некультурно, – я демонстративно медленно, чувствуя, как напряглись птицы за спиной, достал из заднего кармана носовой платок.

Не спеша вытер лицо и ладонь. Так же медленно положил платок обратно. Птиц самым натуральным образом усмехнулся. Я внутренне вздрогнул, но не подал виду.

– Вижу, гостям тут не рады, – подвигал спиной. – Я сниму? – взялся за лямки рюкзака, вопросительно глядя на самодовольное чудо в перьях. – Не возражаете?

Вместо ответа пернатый повелитель снова принялся жевать. Я снял рюкзак, поставил на землю, сел на него, поерзал.

– Итак, продолжаем наш увлекательный разговор. Что вы тут устроили?

– На хер-р-р-р, – снизошел пернатый.

– Не понял.

– На хер-р-р-р, – плевок в лицо меня не удивил.

– Ладно, – я встал с рюкзака, – вижу, конструктивного диалога не получается. Первый контакт человека с иным разумным существом не состоялся. Жаль, – я развернулся и пошел к деревне.

Посмотрев на облепивших деревья птиц, достал носовой платок и вытер лицо.

– Невоспитанный у вас калиф, – сказал Карлу, словно соткавшемуся рядом из воздуха.

– Цар-р-р-р, – ответил Карл.

– Вижу, – сунул платок в карман и, разворачиваясь, схватил из-за ремня ТТ.

На ТТ раньше часто грешили из-за частых самострелов, но сейчас все на пользу. Пуля щелкнула о спрятанный в рюкзаке портативный газовый баллон, найденный мною в багажнике. Вспышка голубоватого пламени слизала «царя». Над болотом мощно полыхнул красно-желтым сдетонировавший болотный газ. По ушам ударил звук взрыва, взрывная волна сшибла меня на землю.

– Вот и все, Карлуша, – я вытащил из-под себя сбитого на землю Карла, спрятал ТТ. – Революция у вас теперь. Король умер и все дела.

Встал и пошел к деревне, в любой момент ожидая удара крепкого клюва в затылок, но в наступившей тишине на меня лишь сыпались мелкие перышки.

II

– И как же ты очутился здесь?

– Заблудился, – скромно признался я. – Там до деревни было всего ничего, а как-то очутился в глухом лесу. Сам не знаю, как. Шел, шел и набрел на вас.

– Что скажешь, Виталий? – Андрей Иванович задумчиво почесал щеку.

– Я же говорю, лепет складно, заслушаться можно.

– Видимо, взрыв вблизи аномалии искривил пространство-время, как мы с тобой обсуждали.

– Взрыва газового баллона хватило?

– Там болотный газ сдетонировал. Бухнуло, будто авиабомба.

– Ладно лепет, надо сказать, – Виталий вышел на поляну, оказавшись крепким парнем в кроссовках, джинсах и какой-то тряпке с дырой, напяленной на манер пончо, и подошел к костру, – но я половину не понял.

– Я тоже, – кивнул Андрей Иванович. – Что, к примеру?

– Вот ты говорил, – Виталий посмотрел на меня, – что там телефоны не берут, – начал перечислять. – Что за телефоны такие?

– Вот, – я достал из кармана старенькую Nokia N96, – вроде такого.

– Это телефон? – Андрей Иванович с сомнением взял мо-

бильник.

– Да.

– Как рация, – сказал Виталий.

– Это не рация, это мобильный телефон. Он по другому принципу работает: ловит сигнал от вышек мобильной связи.

– Ты понял? – Андрей Иванович посмотрел на напарника.

– Непонятно ни хрена, – Виталий забрал у него телефон, покрутил в руке. – На «Ну, погоди» похож, игру. Позвонить, говоришь, с него можно?

– Нет, тут связи нет. Видимо, вышки далеко, а ту, ближайшую, так и не отремонтировали.

– Хорошо, вопрос связи пока отложим, – решил Андрей Иванович.

– Ты говорил, что музыку по нему слушал? – уточнил Виталий. – Это как?

– Дай, покажу, – я забрал трубку, зашел в проигрыватель, включил первую попавшуюся.

– Границы ключ переломлен пополам,

А наш батюшка Ленин совсем усон,

Он разложился на плесень и на липовый мёд,

А перестройка все идёт и идёт по плану,

А вся грязь превратилась в голый лёд.

И всё идёт по плану. – Поплыла над поляной «Гражданская оборона».

– Я знаю эту песню, – дослушав, сказал Виталий.

– Хорошая песня, – кивнул я, – жалко, что Егор умер.

– Какой Егор?

– Летов, который ее поет. Пел.

– Не знаю никакого Егора. У нас в психушке ее Коля пел.

А другие песни есть?

– Полно, тут тридцать два гига диск.

– В смысле?

– Тридцать два гигабайта встроенной памяти в телефоне.

– Что такое гигабайт? – спросил Андрей Иванович.

– Гигабайт – единица измерения информации, равен миллиарду байтов. Ребят, откуда вы выбрались? – видя полное непонимание, спросил я. – Мобильников не видели, гигабайтов не слышали. Из какой вы глуши? Хотя, сейчас даже в глухих деревнях у людей интернет в смартфонах. Вы что, старообрядцы? Из скита?

– Нет, – Виталий покачал головой, – не старообрядцы, но ни про какой интернет в наших местах никто не знает. Только про интернаты.

– Странно...

– А вот еще. Кто такой трансвестит?

– Виталий, погоди. Этот полковник, он из какой организации? – спросил Андрей Иванович.

– Скажу честно, – я пожал плечами, – я сам не знаю. Скорее всего, ФСБ, благо и возили меня к нему в УФСБ, но не уверен до конца.

– Вот, про ФСБ я тоже хотел спросить. Что это такое?

– Федеральная Служба Безопасности, преемница КГБ. Знаете такой?

– Знаем, даже слишком хорошо. Значит, опять комитет переименовали? И когда только успели?

– Так с девяносто пятого года еще, из ФСК переименовали.

– Какого-какого года? – спокойно спросил Андрей Иванович, раздавая прутья с жареным мясом.

– С тысяча девятьсот девяносто пятого.

– А сейчас, получается, какой?

– Две тысячи девятнадцатый. А что?.. – вопрос повис в воздухе.

Андрей Иванович и Виталий молча переглядывались, потом стали жевать.

– А что такое? – повторил я.

– Ничего, – Андрей Иванович подвинул ветки в костре, устраивая поудобнее, – кроме того, что сейчас тысяча девятьсот девяносто третий год...

– Вы так шутите?

– Нет.

– Но как? – голова пошла кругом. Я почему-то сразу поверил этой странной парочке.

– Вот это я тебе не скажу. Не знаю я.

– А у полковника этого что-то было на тебя, я так понял? – спросил Виталий.

– Догадливый...

- Я с детства был смышленным. Рассказывай.
- История давняя, оно вам надо?
- Надо, – кивнул Андрей Иванович, – нам все надо.

Бег по спящему городу хорошая штука, чтобы выбросить из головы лишние мысли. Побежал в сторону поймы. Там я обычно вешал на дерево, обвязанную сейчас под старой олимпийкой на поясе, макивару и отрабатывал удары. На этот раз не получилось. Возле «моих» деревьев стоял и смотрел на смутно отсвечивающую воду пожилой человек в темном старом плаще. Я остановился рядом и тоже стал смотреть на реку.

- Ну, здравствуй, что ли, – первым подал голос он.
- Здравствуйте, Николай Васильевич. Что привело вас сюда в такой час?
- Вот, решил посмотреть, как ты.
- Угу, я так и поверил. Давайте пропустим ритуальную болтовню о погоде и перейдем к делу.
- Нам нужна твоя помощь.
- Угу. Всем нужна помощь, вам, мне, стране...
- Не юродствуй.
- А что мне еще остается?
- Тебе дают возможность сделать что-то полезное, а ты начинаешь дурака валять.

– Полезное кому?

– Стране.

– Какой именно?

– Своей!

– Ну-ну...

– Есть одно место...

– В котором мы все рано или поздно окажемся...

– Не перебивай. Надо туда попасть и посмотреть, что там к чему.

– И все?

– И все.

– Почему не можете кого-то из своих послать?

– Там хорошая СБ и они плотно пробивают клиентов. А тебя никто не свяжет с нами. Понятно?

– Что за место такое?

– Загородная база отдыха.

– И такие меры предосторожности?

– Владелец – брат губернатора.

– И как же я со свиным рылом попаду в калашный ряд, точнее такое элитное заведение.

– Все предусмотрено. Начальница твоей жены предложит отметить там новогодний корпоратив...

– А вот это напрасно! – круто повернулся к нему, с трудом перебарывая желание сгрести за воротник и натянуть на удар головой. – Жене там делать совершенно нечего!

– А как ты собираешься туда попасть по-другому?

– Как угодно, но без жены. Рисковать ею ради ваших шпионских игр я не намерен!

– По-другому ты туда не попадешь. Начальница уже подала заявку и получила одобрение. Жена уже скинулась за тебя, а тебе говорить не стала?

– Первый раз про это слышу...

– Значит, сюрприз тебе хочет сделать.

– Она туда не поедет. Что хотите делайте, но ее туда не пу-
щу!

– Хорошо, – подумав, согласился он. – Сделаем ей внезап-
ный грипп. А ты поедешь, чтобы заплаченные деньги не про-
пали. Так пойдет?

– Терпимо. Если туда так трудно попасть, как же наша за-
явка пробилась?

– У нее сестра двоюродная там работает. Поспособство-
вала.

– Понятно, кругом кумовщина. И что я должен там сде-
лать?

– Ничего. Пей, веселись, а если что-то покажется подо-
зрительным...

– Что? Что может быть подозрительного на базе отдыха?
Тайная гей-оргия?

– Там пропало несколько человек...

– Пропажей людей должна полиция заниматься. Вы тут
при чем?

– Среди пропавших было пару очень не простых....

– Мало ли?

– Вот тебе и мало ли.

– А если я пропаду? Не боитесь?

– Нет, нам бояться нечего, а вот ты постарайся не пропасть.

– И что я должен делать при попытке похищения или иной заварухи?

– Вот тут самое интересное. Должен подать сигнал. Группа быстрого реагирования будет в лесу неподалеку расположена. Но учти, мобильные там не работают.

– Почему?

– На сайте написано, что из-за местной аномалии, но на самом деле, наши аналитики думают, что работает глушилка. Но есть проводная линия.

– Забавно. Оружие дадите?

– Какое оружие? Хочешь статью схлопотать?

– Нормально. С голой задницей в зимний лес. Вот спасибо вам!

– И еще учти. Охрана там серьезная и шуток не понимает. Особенно таких дурацких, как у тебя.

– Час от часу не легче. Приободрили, спасибо. А есть какие-то хорошие новости? Подсластить, так сказать пилюлю.

– Как?

– Героя России дадите?

– Если только посмертно? – пожал плечами.

– А денег?

– А совесть?

– Если у вас нет совести, то почему я должен ею себя обременять? Давайте тогда триста тридцать.

– Чего? – не понял он.

– Тысяч. И можно даже не каждому.

– У нас такие расходы не предусмотрены в бюджете. Можем компенсировать твои расходы на этот «праздник жизни» и все!

– Мою долю и долю жены?

– Слушай, ты точно еврей!

– Я этого никогда и не стыдился. Это да или нет?

– А как же священный долг Родине?

– Плевать мне на долг, я больше люблю деньги.

– Хорошо, – с осуждением покачал головой. – Твою долю и долю жены.

– И расходы на такси.

– Еще что?

– Еще на лечение жены расходы придется оплатить. Чеки на лекарства я предоставляю.

– Я вот думаю, может передать тебя полиции с подозрением на педофилию или федералам местным как террориста?

– Если бы у вас были другие варианты, то вы бы ко мне не пришли, так? Поэтому соглашайтесь или просто расходимся.

– Хорошо, – достал из кармана тонкий белый конверт. – Тут ваши затраты на вечер и немного сверху. Как раз хватит

на такси и лечение. На конверте индекс – это номер телефона. В случае чего, наберешь.

– Не сомневался в вашем благоразумии, – спрятал конверт в карман. – Надеюсь, там не обыскивают?

– До сих пор не обыскивали.

– А если все будет тихо и спокойно?

– Если все будет тихо и спокойно, то через сутки после возвращения встретимся тут же. Принесешь отчет, расскажешь на словах и все.

Наша «мельница» была расположена удачно. Недалеко от входных ворот и между двух длинных двухэтажных зданий. Первые этажи – застекленные стены ресторанов. Я прошел по утоптанной тропинке. Домик представлял собой сруб из толстых оцилиндрованных бревен. От входной металлической двери вдоль стенки тянулся узкий коридор. По ширине он больше чем на половину был занят диваном. Еще одна металлическая дверь вела в комнату с длинным столом, диваном и стульями. Одно окно и дверь под лестницей.

– Всем привет! – поздоровался, мысленно пересчитывая участников предстоящего банкета.

Четыре молодых парня и шесть девчонок. Дима, Степа, Тарас, Костя. Две Кати, Аня, Лена, Таня и Жанна. Я, получается, одиннадцатый. С женой была бы как раз дюжина.

– Привет! – дружно откликнулись они.

Деревянная лестница с резными балясинами вела на второй этаж. Поднялся посмотреть, что там. Маленькая комната с окном и парой стоящих буквой Г диванов. Маленький столик со стеклянной столешницей. Торшер. И все. Не густо. Над головой подвешенная на цепях люстра и высокий колодец над центром. Видимо, комнатка задумана как кальянная. Знать бы еще, как туда, выше попадают. Еще интересно, тут только «жучки» понатыканы или есть и камеры? В наличии микрофонов сомнений у меня не было. Даже если тут все чисто и мирно. То знать когда подгулявшие постояльцы начнут крушить мебель и ломать сантехнику вовсе не вредно.

– Давайте садиться! – предложила Лена. – Выпьем немного, а потом пойдем шашлыки жарить.

– Вы что пить будете? – поинтересовался сидящий напротив меня Тарас.

– А что есть?

– Есть коньяк и вино. Но коньяк из гаражей. Будете?

– Плесни попробовать.

– А мы на вас вино взяли, – с другого конца стола сказала Лена.

– Ничего страшного, все выпьем, – утешил я.

Коньяк оказался сильно паленым. Сладкий запах ароматизаторов шибал в нос уже за полметра. В ваше время такого скорее всего не было. Хотя, у вас же спирт «Ройаль» был. Впрочем, все это лирика, слушайте дальше.

– Больше такой не берите. Однажды можно и травануть-

ся, – поделился с подрастающим поколением.

– Сильно паленый? – занервничал Тарас.

– В меру, но лучше не рисковать.

Выпили под какой-то ничего не значащий тост по второй, дружно накиннулись на салаты. За окном быстро темнело. Отправились жарить шашлыки. Мангал был расположен возле замерзшего пруда, который вяло чистили от снега двое из обслуги. Вместе с ними по льду забавно скользила собачонка.

– Давайте на коньках кататься! – весело предложила Аня.

Странные люди: ехать черт знает куда, чтобы кататься на коньках, но ее предложение было дружно поддержано. Мы со Степаном остались жарить шашлыки, а остальные отправились в здание дирекции, брать напрокат коньки.

– Стоило ради этого сюда ехать?

– И не говори! – согласился Степан. – Пускай катаются. Я коньяк захватил. Погреемся.

Он вынул из кармана куртки пластиковые стаканчики и коньяк. Плеснул. Выпили. Разговорились. Черное небо неудержимо сыпалось колючим белым снегом, но конькобежцев было не остановить. В соседнем домике выступала какая-то поп-группа, кого-то с чем-то поздравляя. Было тихо и мирно. Я посмотрел в небо, ловя крупные хлопья снега. Казалось, что в таком месте не может произойти совершенно ничего плохого. Сыпавшиеся хлопья оглушили мир, стало тихо, покойно, сосны в белых шубах, выглядывающие из-за ограды, настраивали на домашний лад.

– Тепло сегодня, – подал голос Степан. – Еще выпьем?

– А наливай, – махнул я рукой.

Лучший способ выглядеть пьяным – пить на самом деле. Ни один наблюдатель тебе тогда ни в чем не заподозрит. Что наблюдатель есть, я даже не сомневался. С тех пор как мы вышли на улицу я ощущал чей-то заинтересованный взгляд. Казалось, кто-то большой и страшный смотрит и размышляет, наступить на муравейник или пойти дальше. И чем больше я смотрел на снег, потягивая дрянной коньяк, тем больше понимал, что не пройдет дальше – что-то случится сегодня.

– А ты здоровый, – обратился я к собутыльнику. – Спортом занимался?

– Да, стрельбой, – не стал скромничать. – КМС сделал. А вы?

– Не, я не спортивный, – отмазался я.

Не обязательно парню знать, что я подтягиваюсь и отжимаюсь на одной руке и выжимаю два с половиной пуда.

– А по фигуре не скажешь.

– Ем просто мало. Пост сейчас.

– А как же мясо будете есть?

– А никак. Селедкой обойдусь.

– А коньяк?

– А что коньяк?

– В пост разве можно?

– Нельзя, но так и на такие сборища в пост нельзя. Ничего, небольшое послабление мне Бог простит. Надеюсь...

Бутылка опустела, шашлыки были готовы.

– Неси в дом, а я всех позову, – распорядился я.

Собрать всех оказалось не так уж легко. Пока отнесли коньки, пока веселой гурьбой ввалились в домик.

– Димы с Катей нет, – сказал кто-то.

– Да ладно, потом штрафную нальем! – зашумели все. – Давайте уже под мясо.

Выпили под мясо. Пока все с упоением, видать, проголодались от коньков, поедали шашлыки, я встал.

– Шампура забыл. Пойду, заберу. Заодно Диму с Катей поищу.

– Да ладно ты, поешь, – сказал Степан. – Никто шампура не заберет. Да и эти гулены сами найдутся. Может специально ушли.

– Я быстро, – надевая куртку и выходя, сказал я.

Поиски пропавших собутыльников – отличный повод пошататься по территории. Шампура лежали на скамеечке, никто не позарился. Сгреб их. Слегка покачиваясь, начал неторопливый обход. Снег заметно подутил. В правом доме все еще шумели, нестройным хором выводя какую-то попсовую песню, во дворе запускали фейерверки. Отдыхают, менеджеры среднего звена или еще какая паразитическая прослойка. Погуляв так и поткавшись туда-сюда, наконец-то нашел пропавших. Они лежали возле стены, и снег не таял в широко распахнутых глазах, удивленно смотревших в темное

небо. Я тоже посмотрел туда. Ничего хорошего там не было. А снежок-то хорошо присыпал так. След по «белотропу» предательский... Отворив тяжелую дверь, спустился в подвал, залитый светом люминесцентных ламп. Столы и стеллажи, заставленные реактивами, компьютеры.

– Ну что там? – человек в белом халате, склонившийся над столом.

– Нормально все, – ответил, подходя.

– Точно? – разогнулся, повернулся ко мне.

Худощавое выбритое лицо, очки поблескивают задорно, как у молодого Берии. Едва уловимое сходство с Иваном Охлобыстиным.

– Точнее некуда, – закивал я.

– А вы кто?

– Я? – я оглянулся, вроде как тут еще кто-то был. – Я? Я уборщик тутошний, – скривил рожу поглупее. – Убираюсь тут, значит.

– Уборщик? – правая рука скользнула куда-то за спину, явно что-то на столе ищет.

– Ну да, гы, – улыбнулся, – это самое. А чой-то вы тут делаете? Герыч бодяжите?

– Это самое, гы, – кивнул, – герыч.

– Я так и подумал, – смотрел ему в глаза, как можно искренне.

– Хочешь, отсыплю? – ласково, как умственно отсталому ребенку, улыбнулся.

– Не-а, я не по этой части. Я того, – щелкнул себя правой по кадыку и сразу бросил ее вниз, ударом сбивая руку «доктора».

Хорошо попал – скальпель звякнул по кафелю пола. Обратным движением хлестанул тыльной стороной ладони в кадык эскулапу. Он схватился за горло, захрипел, сгибаясь. Сделав шаг вперед, врезал локтем сверху в почку, разгибая его. Ухватил за горло, завалил на стол.

– Ты чем здесь занимаешься, паскуда?

– Я не хотел, – хрипел он, не надо.

– Надо, Федя, надо. Вся наша жизнь – олимпиада, – слегка врезал левой в висок. – Я тебя сейчас твоим же скальпелем на куски резать буду! Говори!

– Вы не понимаете, это же уникальное открытие, это такие перспективы...

– Не хочешь по-хорошему? – врезал ребром ладони, вбивая зубы в рот. – Будем по-плохому, – придушил, давя рвущийся крик.

Следующим ударом сломал нос.

– Не созрел еще, партизан?

Он смотрел дикими глазами.

– Хорошо, – прижал большой палец к его правому глазу. – Как говорит моя тетя: Два глаза роскошь, один не к чему, – надавил.

Доктор рванулся, словно Царевна-лебедь. Отпустив горло, ухватил освободившейся правой за лоб и впечатал его за-

тылком в металл стола. Стол загудел, врач обмяк. Аккуратно опустил тело на пол. Поднял скальпель, положил на стол. На столе стояла стеклянная полусфера, где-то с метр в диаметре. Накрывала она большое золотое блюдо с... Сначала не поверил глазам. Масса, очень напоминающая человеческий мозг, пронизанный деловито снующими длинными тонкими белыми червями. В одном месте на поверхности полусферы были позолоченные контакты, от которых тянулась кабель к системному блоку. С другой стороны был присоединен шланг от аппарата искусственного дыхания.

– Это что такое? – почувствовав, что он зашевелился, спросил я.

– Ты не понимаешь! Это же мирового масштаба открытие. Ой! – я топнул ногой, ломая болтуну запястье.

– Что? Это? Такое? – повторил, медленно и отдельно.

– Это разумные черви, суперчерви, как я их называю. Они...

– Это человеческий мозг? – перебил я.

– Да, он является питательной средой и...

– Зачем? – присев, сгреб его за ворот халата, притягивая.

– Вы не понимаете, они дадут возможность жить вечно.

– Вечно?

– Пока не совсем вечно, мы только начали эксперименты, но при подсадке червя в организм...

– В мозг?

– Мозг идеальная среда: постоянная температура и влаж-

ность, питательные вещества, защита от окружающей среды. Продолжительность жизни должна вырасти минимум вдвое!

– Откуда такая информация? – устало спросил я.

– Они мне сказали, – посмотрел на стол.

– Черви?

– Да...

– Они еще и говорят?

– Излучают электромагнитные волны, а компьютер преобразует их в текст по принципу азбуки Морзе. Они разумны!!!

– Откуда они взялись? – отпустив халат, встал, глядя сквозь стекло.

Почудилось, что черви рассматривают меня черными иголочками глаз.

– Я не знаю...

– Понятно. Давно с ними возишься?

– Почти год.

– И как часто им мозг надо менять?.. – посмотрел на него.

– Вы не понимаете, это для науки, это...

– Тут все такие психи?

– Я не псих!!! – завизжал, став похожим на крысу, которую я в детстве проткнул вилами.

Скальпель будто сам прыгнул в руку. Бить им не удобно, скользит в руке, но вот резать... Присел, взмахнул рукой. Острая штука и сталь хорошая. Доморощенный Менгеле пытался кричать, но с перерезанной трахеей и рассеченными

артериями не накричишься. Встал, походил меж стеллажей, нашел большую бутылку со спиртом. Хорошо, когда все подписано. Вымыл скальпель и руки. Вернулся к столу. Отдавать тварей резона нет. Мало ли как распорядятся спецслужбы неожиданным даром? Или они все-таки что-то знали? Вопрос...

Постучал по стеклу:

– Сейчас я создам вам условия.

Стекло толстое, но столкновения с бутылкой не выдержало. Черви заметались как ошпаренные под дождем из осколков и спирта.

– Супер, значит, – чиркнул зажигалкой Степана, которую автоматически положил в карман у мангала.

Синее пламя пробежало по разумной каше, запахло жареным мозгами. Только зеленого горошка не хватало. Подкрутил кран в аппарате, подавая струю кислорода. Интересно, как скоро станет жарко и в прямом и переносном смысле. В любом случае, пора выбираться и вызывать подмогу.

Выбрался из подвала, прикрыл дверь. Не спеша развернулся и, насвистывая, направился обратно. Прошел справа от «Мельницы» и подошел к воротам. Двое охранников, сжимая ружья, вышли навстречу из сторожки.

– Привет! – радостно, как внезапно встреченным после долгой разлуки друзьям, которые должны мне денег, сказал я.

– Привет, – мрачно буркнул правый.

Второй и вовсе промолчал. М-да, с культурой у здешних секьюрити не очень. А ладно, я не гордый.

– Скажите, а можно за ворота выйти?

– Нет.

– А почему?

– Потому, что только группой выход. Группой пришли – все вместе и ушли. Не хватало еще каждому открывать.

– А как же: «Желание отдыхающих закон»?

– Правила читайте. На стене в каждом домике висят.

Пучок шампуров я держал в правом кулаке, остриями вниз. Шампура у меня не простые. Мне их на заводе по моим чертежам сделали. Широкие и плоские, и сталь легированная. Конверсия в массы.

– Вали отсюда! – внезапно обрел голос левый.

– А можно покультурнее? Я же все-таки заплатил за отдых...

– Ты чо, не понял? – правый сильно толкнул меня в плечо. – Топай в свой домик и не отсвечивай тут.

– Да иду, иду, – поворачиваясь через левое плечо, я вскинул правый кулак, разворачивая его вверх.

Почувствовал, как шампура легко скользнули под челюсть охранника. Отпуская шампура и продолжая вращение, кулаком врезался в затылок левого. Шапка смягчила удар, но он все равно «поплыл». Захватив воротник, рванул оглушенного секьюрити себе навстречу и лбом врезался в переносицу. Он мешком рухнул мне под ноги. Я успел

подхватить помпу левой рукой. Крутанул в руках, прихватывая как надо, развернулся. Первый лицом вниз неподвижно валялся на залитом кровью снегу. Развернулся ко второму. Рисковать не стал, топчущим движением ударив по лицу. Даже если и живой, то в себя придет не скоро. Пинком перевернул первого, вынул шампура, вытер об его одежду. Неизвестно, как дело повернется, и оставлять против себя такую улику нельзя. Поднял второй дробовик и закинул за спину. Забрал коробку рации – на всякий случай, не зря же «Твердый орешек» смотрел. Обшарил карманы, но ничего ценного не нашел. Что обидно, в них не было патронов. Со столь скудным боезапасом долго не продержусь. Тут одних охранников десятка два будет, а может и поболее. Настороженно оглядываясь, вернулся в домик.

– Ты где бродишь? Мясо стынет! – встретили меня радостные голоса.

Потом увидели стволы в руках и замолкли.

– У нас небольшая проблема, – с ходу начал обрисовывать ситуацию. – Такая совсем маленькая. Проблемочка, можно сказать.

– Ты чего? Того? – спросил кто-то.

Даже не знаю кто, целиком я к столу не поворачивался, пытаюсь одновременно контролировать окно и коридорчик.

– Нас хотят убить, поэтому, наша задача продержаться какое-то время, до подхода помощи. Лови, – бросил ружье Степану. – Покажешь, как стрелять умеешь.

– Я по людям стрелять не буду!

– Надо, Федя, надо! Если не сможешь выстрелить по ним, то тебя закопают, – я положил шампура на полочку под зеркалом. – Бухло осталось?

– Да, – отозвался Тарас. – Еще две бутылки коньяка и вино есть.

– Отлично! Найдите тряпку и сделайте фитили. Можете полотенце взять, я разрешаю. Будем знакомить аборигенов с коктейлем Молотова.

– Там еще жидкость для розжига есть, – пришел в себя Степан.

– Молодец! – похвалил я, щелкая выключателем освещения. – Костя, бери мешок с углями. Высыпи угли в кастрюли из-под мяса и начинай в душевой кабине пропитывать их жидкостью. Девушки, вы все наверх и сидите там тихо. Значит так, стены достаточно толстые, чтобы ружей не бояться. Диван из коридора несите сюда и поставьте стоймя, прикройте им лестницу. Запритесь и никого не впускайте кроме меня. Дверь какое-то время выдержит. Степан, контролируй окно. Если что, то вали нахрен. Запомни, они вас не пощадят!

– А ты куда?

– Попробую к телефону пробиться. Все, я пошел, – выскользнул за дверь.

Пока было тихо и стоило этим воспользоваться. Прошел по дорожке, вспоминая схему базы. Телефон наверняка был

в административном здании, но там же и толпа народа могла быть. Попробую в сторожке охранников. Телефон в сторожке был, а вот дверь и ворота были заперты на замок. С надеждой покинуть территорию по-английски пришлось распрощаться. На всякий случай проверил мобильник, может тут ловит. Нет. Печально. Поднял трубку телефона. Гудки. Начал набирать номер. На третьей цифре пошли короткие. Хреново, значит выход в город не прямой, а в лучшем случае через коммутатор. Попробовал набирать через восьмерку. Вроде пошли гудки.

– Алло, – услышал голос на том конце линии.

– Начинайте.

– Что начинать?

– Операцию.

– Какую операцию? Молодой человек, вы куда звоните?

– Да мать же твою вместе с твоей конспирацией! Группу сюда давай, а то нам всем кранты!!!

В трубке внезапно раздались короткие гудки. Меня прошиб холодный пот. Неужели ошибся? Вновь начал набирать номер, но трубка замолчала. «Вот он какой, пушистый северный зверь», – понял я. – «Жаль подмога не пришла, подкрепления не прислали. Что ж, обычные дела, нас с тобою нае...», – всплыла в мозгу песня. Оставалась последняя надежда – попытаться вышибить выстрелом замок двери и свалить за пределы территории. Навел ствол на замок и... не смог нажать на курок. Уйти, бросив на верную смерть лю-

дей, как-то не получалось. Утешать себя лживыми надеждами, что они продержатся, не имело смысла. Надо было возвращаться и забирать всех. Так была хоть какая-то надежда. Надежда испарилась после ружейного выстрела и загоревшихся на столбах фонарей, заливших периметр ярким светом.

«Приплыли», – подумал, бросаясь назад к домику. Звон разбитого стекла и глухие шлепки приглушенной глушителем очереди придавали сил. Я подлетел к двери как на крыльях, успев краем глаза выхватить метнувшуюся навстречу из-за угла дома фигуру. Тело среагировало само. Отдача толкнула в ладонь. Фигура упала. По углу прошелестела еще одна очередь. Отлетевшая от бревна щепка больно воткнулась в щеку. Хорошо, что не в глаз. Из всех сил заколотил в металл двери.

– Кто?

– Да я это! – прокричал, внутренне костеря себя за то, что не договорился о пароле. Всего не предусмотреть. На счастье мой голос узнали и дверь приоткрылась. Я нырнул в узкую щель.

– Закрывай! – послышалась звонкая капель свинца по металлу.

Тарас повернул ключ.

– Ключ оставь в замке, чтобы снаружи не открыли, – прошел в комнату. – Что тут?

– Катю убили! – возле лестницы лежало чье-то тело. –

Прямо через стекло.

– Говорил же, наверх! – подошел к столу, в тусклом свете из окна осматривая две коньячных бутылки с торчащими из них полосками вафельного полотенца. – Выхода отсюда нет. Надо как-то попытаться привлечь внимание людей со стороны, чтобы вызвать помощь.

– А ты не вызвал?

– Телефон через коммутатор. Выхода нет в город, – не говорить же правду, что походу всех нас тут принесли в жертву высших интересов. – Надо попытаться поджечь соседний домик. В деревне увидят пожар и вызовут пожарных.

– А выстрелы?

– А что выстрелы? Тут, небось, каждые выходные столько фейерверков пускают, что уже давно никто не обращает внимания.

Из коридорчика сквозь открытую дверь вновь слышался звон. Все вздрогнули.

– Не бойтесь, пока стреляют с глушителем, дверь не возьмут, – ободрил я.

Внутри же такой уверенности вовсе не ощущал. Наличие пистолетов-пулеметов у охраны вообще оптимизма не внушало. И вовсе даже не факт, что стреляет охрана.

– Эй, вы, – раздался крик со стороны разбитого окна. – Бросайте оружие и выходите!

– С ху... ли это вдруг? – подойдя к оконному проему сбоку, громко поинтересовался я. – Ты приди и возьми! – Рукой

показал Степану:

– Вали на второй этаж к окну. Может, кого-нибудь снимешь.

– Выхода у вас нет другого. Все равно достанем. Лучше уж так, не мучаясь.

– Нет уж, я лучше как-нибудь помучаюсь, – вспомнив товарища Сухова, отозвался я.

Сверху хлопнул выстрел, а следом еще один. Со стороны пруда раздался вскрик боли. Щепя края проема в окно влетела пригоршня пуль. «Хорошо хоть что от бревен рикошетов нет», – подумал я, пригнувшись и слушая, как глухо шлепают стены.

– Сколько вы там продержитесь? – продолжал голос. – Сами подумайте. Хуже же будет.

– Нам бы только ночь простоять, да день продержаться! К утру нас начнут искать...

– И что? Позвонят сюда, им скажут, что вы уехали еще ночью. Думаешь, кто-то поедет проверять?

– Рано или поздно пойдут в полицию с заявлениями о пропаже.

– На третьи сутки. Думаешь продержаться столько?

– Как Бог даст.

Ответом были новые щепки и треск дерева. Я метнулся к лестнице. Диван хорошо стоял. Обшивку порвало, но пока что сквозных пробоин не было. Спрятавшись за диваном, прошептал:

– Костя, давай аккуратно наверх.

Воспользовавшись затишьем, мимо меня метнулась фигура Кости. Я поднялся следом. Женщины сбились на диванах. Возле окна караулил Степан.

– Достал кого-то? – поинтересовался я.

– Двоих даже.

– Молодец, – я положил ружье на стекло столика. – Патроны экономь. Если что, то бери мой ствол. Зажигалка у тебя с собой?

Не оборачиваясь от окна, протянул зажигалку.

– Костя, ты из нас самый легкий. Я подсажу, а ты должен забраться по цепи на ту балку.

– Зачем?

– Хороший вопрос. Затем, что тебе надо будет грохнуть витражи, которые наверху, и с помощью нашего «коктейля» поджечь соседние здания. Они деревянные – бросай в окна второго этажа. Если повезет, то полыхнут шторы. Пожар в деревне по любому заметят.

– А если не заметят? – спросила кто-то из девушек.

– Даже если не заметят, то у наших противников добавится одной проблемой больше. Пока они будут тушить пожар, у нас может появиться шанс. Понятно?

– Да.

– Засунь бутылки в карманы джинсов. Зажигалку в рубашку. Готов?

– Да.

Я, пригнувшись, подхватил его за бедра и, разгибаясь, с силой подбросил вверх. Цепь выдержала. Во всяком случае, пока. Еще одни выстрел Степана.

– Б..., мимо, – выругался он.

– Не спеши. Патронов больше не будет, дед Мороз в отпуске. Бери мое, – протянул ружье. – А я пойду вниз.

Осторожно двинулся вниз. Тарас сидел на лестнице за диваном.

– Что тут?

– По двери стреляют. Думаю, долго не протянет.

– Ничего, прорвемся. Подвинься, я вниз спущусь, – протиснулся мимо него.

Скатился вниз, стараясь не наступить на тело Кати. Начал искать в темноте свою сумку. Ага, вот она. Вот и сюрприз. Рассовал гранаты по карманам куртки. Кстати, вот чего жарко-то так, понял я. Куртку же не снял. Что за дурацкие мысли лезут в голову? Осторожно подобрался к двери. Дела наши не важны. В стене рядом с дверью уже светились дыры. Так они коробку к черту разнесут, и дверь сама выпадет. Ничего, подождем, спешить теперь некуда. Уселся на пол и привалился спиной к стене. По комнате опять прошуршал свинцовый ливень. Интересно, откуда гад стреляет? Не через пруд же? А с этого берега его бы уже Степан снял. Сверху раздался звон битого стекла. Процесс пошел. Еще звон стекла. Во внезапно наступившей тишине раздался звонкий хлопок и гул пламени. Еще звон стекла и треск очереди. Глухой

удар в потолок. Женский визг наверху. По ходу у нас еще одним участником банкета стало меньше. Земля пухом и большое спасибо.

Достал левой рукой РГД. Вырвал кольцо. Рванулся вперед, на одном движении подскочив к двери. Поворот ключа правой рукой, рывок ручки вниз, толчок в дверь – все слилось воедино. Прыгнул спиной назад, снизу, как шар в боулинге, бросая в открывающуюся дверь гранату. Завалился влево, с трудом вписавшись в дверной проем и приложившись об косяк плечом. Разрыв гранаты. Перекатился по полу. Выскочил в коридор. Распахнутая дверь бросала вовнутрь отблески огня. Справа пожар удался на славу. «Как учил великий Ленин, из искры возгорелось пламя», – подумал на бегу. Выскочил на забрызганный красным и гарью снег. Несколько тел лежало, кто-то стонал. Разбираться времени не было. Подхватил попавшийся на глаза пистолет-пулемет и как рак отшельник нырнул обратно в коридор. Дверь, видимо уже не закроется. Да оно и не надо мне. Положил трофей на пол.

– Тарас, ты как там?

Ответом была тишина. Сверху спустился Степан.

– Все, я отстрелялся. А Тараса убили. На лестнице лежит.

– ..., – выругался я. – Ладно, бери пистолет-пулемет, прикройешь.

Бросился в ванную, принес три емкости с углем.

– Я выскочу и брошу в огонь. Будем надеяться, что доба-

вит жару.

– А ты не боишься, что мы тут сгорим?

– Нет, не боюсь. Задохнемся раньше. Ну все, пошли!

Я кинулся к выходу, он следом. Выскочили, я, сильно размахнувшись, разворачиваясь, метнул двумя руками. Хорошо получилось – врезалась в стеклянную стенку, верхним краем зацепив огонь из окон. Как огненный цветок на стене вырос. В левое плечо сильно толкнуло, развернув обратно. Остальные пули очереди шлепнули в стену.

– Валим!

Мы заскочили в коридорчик.

– Контролируй дверь и за окном посматривай.

– Тебя ранили, – он расширившимися глазами смотрел на черную кровь.

– Это мелочи, сейчас перевяжу, – пройдя в комнату, и срывая, чудом уцелевшую, шторку с окошка ответил я.

Пригнувшись, проскочил под окном. Звякнула пружина дивана. По ходу, там снайпер пристрелялся. Ладно, хуже уже не будет. Снял куртку и свитер. Нашел в полумраке бумажные полотенца на столе. Залил рану вином, смывая кровь. Приложил полотенца, замотал шторкой. Степан выстрелил в кого-то. Патронов все меньше и меньше. Глотнул вина. Рывком подняв стол на попа, завалил его к окну. В столешнице немедленно образовалось два круглых отверстия. Точно снайпер. Сел на диван, пережидая накативший приступ тошноты.

– Когда патроны кончатся, что делать будем? – поинтересовался Степан.

– В штыковую пойдем. С шампурами наперевес. Пуля дура, штык молодец.

– А если серьезно? – нырнув в комнату, спросил он.

От торцевой стены коридорчика отлетали щепки. Высушившись в коридор, выстрелил.

– Они через огонь теперь стреляют. Мне их не видно.

– Все. Из коридора теперь не выбраться. В окно тоже. Ждать тут смысла особого нет, – подытожил я. – Кранты нам пришли. Если умеешь, то можешь начинать молиться.

Вновь глотнул вина.

– И где вы только покупали такую гадость? – вставая, спросил я.

– Не знаю. Вино Лена покупала.

Достал Ф-1, аккуратно примотал порванным свитером подмышку. Попробовал, удобно. Шнурок в колечко.

– Останетесь живы, больше такого не берите, – подходя к проему, посоветовал я. – На, держи, на крайний случай, – протянул ему последнюю РГД-шку. – Делаем так. Я сейчас выхожу и отвлекаю их. А вы с девчонками прорываетесь к воротам. Тут близко и успеете. Взрывай ворота к черту и ноги в руки. Понял? Понял, я спрашиваю?

– Понял, – пряча глаза, ответил он.

– Эй, ты как там тебя? Я выйду, не стреляйте, – прокричал я.

– Зачем ты нам теперь? – поинтересовался знакомый голос.

– Тебе же интересно, кто я и что тут делаю?

– Какая нам теперь разница?

– Помучить сможете...

– Выходи, только руки за головой держи.

– Угу. Может тебе еще ноги на ширину плеч?

– Ты выходишь или нет?

– Выхожу, – не спеша вышел, давая глазам возможность привыкнуть к свету пожара.

Прошел пару метров от стены, руки заложил за голову, аккуратно встал на колени возле березы.

– Ну что, сука, допрыгался? – двинулись ко мне темные фигуры, с отблесками пожара на стволах.

– Не подфартило, – признал я. – В другой раз может фортанет.

– Другой раз? – фигура со знакомым голосом нацелила ствол мне в лоб. – Ты кто вообще такой?

– Да какая теперь разница? – разводя руки в стороны, спросил я.

– Руки!!!

– Закрывать уши, открыть рот, сомкнуть ноги, – рассмеялся я.

Они смотрели на болтающееся на конце шнура кольцо.

III

– Внушает, – Андрей Иванович потер щеку. – И как ты уцелел?

– Не знаю. Эксперты меня нашли под березой. Что интересно, на березе листья распустились. Я полгода в ведомственном санатории ФСБ пролежал, потом приехал полковник и меня выписали. И... – перед глазами встал санаторий и полковник в старом плаще.

– На работе все улажено. Отдашь больничный и все. Вопросы не будет.

– Это все?

– А чего ты хотел? Героя России? Так ты же живой.

– Герой подождет. Имена и адреса...

– Зачем тебе это? Тебе выпал немыслимый шанс, радуйся. Живи спокойно и все забудь.

– Пять человек просто так погибли? Да? Ради ваших дурацких подковерных игр? Да? И всего лишь отставка губернатора?

– А ты думаешь только ты один борец за правду?

– Отставка за пять трупов?

– Знаешь, я так и думал, что ты это спросишь, – человек в плаще вынул листок. – На, тут все что надо. Только либо не лезь туда, либо сделай чисто. Хорошо?

– Хорошо. А что они там вообще делали?

– На органы людей резали.

– Сомнительно как-то...

– Почему?

– Кровь и то просто так от первого попавшегося не перельешь. А для пересадки органа от человека человеку надо совпадение по тридцати шести аллелям, и то никогда полностью не совпадает, приходится иммунитет реципиента давить. А тут чуть ли не случайных людей валили. Не срастается...

– А ты, смотрю, изучал вопрос?

– Да вот, пришлось... У меня в этом вопросе личный интерес.

– Я догадываюсь. Не задавай таких вопросов больше и акkuratнее будь.

– Спасибо. Вам тоже не болеть. И не звоните мне больше.

– Как скажешь.

– И?

– «Бывший губернатор и компания его близких друзей погибли на даче в результате взрыва бытового газа. Следственным комитетом заведено уголовное дело по статье...», – по памяти процитировал я.

– Ясно, значит крючок у полковника на тебя был не маленький, не сорвешься.

– Так и есть.

– Виталий, а ты чего молчишь? – Андрей Иванович посмотрел на безучастно глядевшего на догорающие угли парня. – Заснул?

– Да нет, вспомнил кое-что...

– А я тоже вспомнил... Сон один, в Карловке... Снилось, что лечу над ночным зимним сосновым бором. Изгиб асфальтовой ленты, высокий бетонный забор, двухэтажные домики из оцилиндрованных бревен, заснеженные беседки. Один дом горел, по другому, сделанному в виде мельницы, стреляли. Черные фигуры призраками скользили в отбрасываемых на снег отблесках пожара, подбираясь к мельнице. Мельница огрызалась редким ружейным огнем из разбитых окон, выходящих на замерзший пруд, блестящий чищенным льдом. В глаза бросился стеклянный купол на крыше мельницы. Сквозь разбитые стекла виднелось мертво повисшее на балках человеческое тело. Пожар делал все призрачным и зыбким, но я рассмотрел еще два одетых в черную форму и тяжелые ботинки тела, лежащих на дорожке, ведущей к запертым воротам в заборе.

Гудя, словно компания солидных шмелей, пролетела очередь, выбив из краев оконного проема первого этажа сочный ворох щепок. Интересно, из чего стреляют? – подумал я. – Само-то оружие бесшумное.

Завис над дырой в куполе. В небольшой комнате на втором этаже, пригнувшись, сгрудились за перевернутым кожаным диваном несколько девушек, высокий парень с ружьем

неизвестной системы притаился у окна. Вот он быстро показался в окне, прицелился. Ствол выбросил сноп пламени. Возле беседки за прудом на снег медленно заваливалась черная фигура. По ушам стегнул хлопок выстрела. Парень присел за подоконник, а в оконный проем вонзилось несколько очередей. Из бревен противоположной стены брызнули щепки.

Рядом проплыла какая-то тень. Я повернул голову вправо и встретился взглядом с огромной совой. Она показалась мне нисколько не меньше человека.

– Странный сон, – глядя на сову, сказал я.

– Угу, – ответила сова, моргнув желто-зелеными глазами. – Просыпайся, следак, – глаза ее засияли нестерпимо ярким зеленым светом и я проснулся.

– Либо у вас очень богатое воображение, – медленно сказал я, – либо... либо вы действительно все это видели...

– Воображение мне положено по работе богатое иметь. Как-никак, следователь.

– А что вы тогда тут делаете?

– Эта история началась в далеком для тебя девяносто первом году. В деревне Карловка зверски убили подростка, друга Виталия. Я тогда был сотрудником КГБ и под прикрытием, как следователь прокуратуры, приехал в Карловку расследовать убийство.

– А при чем тут КГБ? Разве комитет занимался обычной

уголовщиной?

— Там вовсе не обычная, как ты выразился, уголовщина. Послушай, поймешь... Виталий сумел написать кровью на лобовом стекле, чтобы я вез его в заповедник.

Петляя по извилистой дороге, будто возникающей меж деревьев сразу под колесами, «девятка» углублялась в заповедник. Виталий не подавал признаков жизни. Разматывающаяся волшебным клубком дорога вдруг закончилась и машина выскочила на большую поляну. Мотор заглох. Андрей Иванович замер, глядя вперед. На поляне возвышалась пирамида, младшая копия Великой пирамиды, как ее зналследователь.

«Странно, как такую громадину не увидели со спутника?» — мелькнула мысль. — «Да и судя по размеру, она должна быть со всей округи видна, но ее не видно».

Отбросив решение загадки на более подходящее время, Андрей Иванович сосредоточился, вспоминая все, что ему было известно об окруженной тайнами Великой пирамиде в Гизе, которая по разным версиям была то ли межзвездным передатчиком прилетавших на Землю в древности пришельцев; то ли оружием массового поражения небывалой разрушительной силы, построенным существовавшей на Земле цивилизацией, погибшей в катаклизме либо войне, а то

даже и во Всемирном потопе; то ли энергостанцией непонятного назначения. А вспоминалось многое: и что трупы там не портятся, и что время там идет по другому, а то и вовсе застывает...

«Неси меня в пирамиду» – медленно проступали на лобовом стекле неровные кровавые буквы.

Андрей Иванович выскочил из машины, обежал ее, распахнул пассажирскую дверцу и подхватив тяжелое, кажущееся безжизненным, тело, потащил его к пирамиде. Вблизи громада пирамиды закрывала небо, вновь вызвав вопрос, почему при таких размерах она не видна. Да хотя бы даже с Карловского карьера, возвышающегося над местностью. Вход в пирамиду нашелся будто сам собой. Андрей Иванович в очередной раз подумал, что его ведет какая-то внешняя сила. Дальше наклонный коридор, ведущий вверх.

А потом следователь оказался в обширной камере, площадью около тридцати квадратных метров, освещенной тремя пятнами света, падающими из узких штолен, выходивших куда-то на поверхность пирамиды. Света вполне хватало, чтобы рассмотреть странное сооружение, похожее на большой колокол, висящий посреди помещения в метре над полом. К нему от, стоящего в углу, дизель-генератора тянулись толстые черные кабели в резиновой изоляции. Андрей Иванович действовал по наитию: положил Виталия под колокол, запустил необычно легко заработавший дизель-генератор. Послышался звук, немного жутковатый, глубокий

и мощный, похожий на гудение гигантского улья, и колокол начал вращаться, приподнявшись над полом еще примерно на полметра. Верхняя часть вращалась в одну сторону, юбка – в другую. Вспыхнули развешанные по стенам лампы. Андрей Иванович с интересом осмотрелся: стены помещения были покрыты чем-то похожим на толстые черные резиновые плитки. Что удивительно, нигде не было пыли. Возле стены стоял деревянный стол с парой стульев. На столе громоздился прибор с экраном, напоминающим экран лока-тора. Радиальная стрелка обегала экран, показывая две зеленые точки. Одна в центре, другая ближе к краю. Андрей Иванович перешел к другой стене и точка на экране сместилась. Перешел в другое место – точка послушно повторила маршрут.

Под ногами что-то захрустело. Андрей Иванович поднял и внимательно рассмотрел: на ладони лежал небольшой сиреневый ромбододекаэдр – ромбовидный двенадцатигранник, почему-то напомнивший следователю кристалл турмалина¹. Кучка таких же кристаллов хрустела под подошвами мужчины. Хмыкнув, Андрей Иванович опустил непонятный кристалл в карман.

Следователь подошел к столу, сел на стул. На втором сту-

¹ Турмалин – минерал из группы боросодержащих алюмосиликатов, сложные боросиликаты переменного состава. Название происходит от сингальского слова «турамали» или «торамалли», которое применяется к различным драгоценным камням в Шри-Ланке. До XIV века красные разновидности турмалина имели хождение под общим названием «лал». <https://ru.wikipedia.org/wiki/Турмалин>

ле лежал пистолет-пулемет MP 38/40² с магазином на пятьдесят патронов и немецкая каска. Андрей Иванович взял пистолет-пулемет, вытащил магазин. Передернул затвор, нажал на спусковой крючок. Сухо щелкнул ударник. Оружие исправно. Посмотрел на пульт с тумблерами, мигающими разноцветными лампочками, регуляторами, реостатами и латунными табличками со странными, похожими на иероглифы, символами, и надписями на немецком языке. Возле стола вплотную к стене стоял тонкий термос примерно метровой высоты, упакованный в толстую свинцовую оболочку с выдавленными буквами IG FARBEN³. На пульте стояли че-

² MP 38, MP 38/40, MP 40 (сокр. от нем. Maschinenpistole) – пистолет-пулемёт, разработанный Генрихом Фольмером на основе более раннего MP 36, и использовавшийся в качестве личного оружия. Состоял на вооружении вермахта во время Второй мировой войны. https://ru.wikipedia.org/wiki/MP_38/40

³ И. Г. Фарбен, также И. Г. Фарбениндустри (нем. Interessen-Gemeinschaft Farbenindustrie AG – общность интересов промышленности красильных материалов) – конгломерат германских концернов, созданных в 1925 году и ранее во время Первой мировой войны. Концерн был образован в 1925 году как объединение шести крупнейших химических корпораций Германии – BASF, Bayer, Agfa, Hoechst, Weiler-ter-Meer и Griesheim-Elektron. Немецкие промышленники до начала Первой мировой войны захватили монополию на необходимые для военных нужд красители из индиго, поставляемого из Китая. Концерн занимался исследованием промышленного получения химикатов, необходимых для производства взрывчатых веществ (аммиака, нитратов). Исследованиями руководил Фриц Габер (лауреат Нобелевской Премии 1918 года). Также по его предложению и под его личным надзором была проведена газовая атака у городка Ипр (Бельгия) 22 апреля 1915 года. Позднее, во время правления национал-социалистов, IG Farben производил газ Циклон Б, который использовался для массовых убийств. В 1952 году концерн был разделен на 12 компаний, в том числе на такие

тыре тонких и длинных стеклянных трубки с разноцветными жидкостями: красной, оранжевой, зеленой и синей. Жидкости наполняли трубки примерно до половины. В нижнем правом углу пульта на позолоченной табличке красовались буквы AEG⁴.

компании как: BASF, Bayer, Hoechst и Agfa. А в 2003 году, спустя 50 лет, сам концерн был объявлен банкротом. Коллаборация с нацистами В 1929 году в США была открыта дочерняя компания American IG chemical corporation («Америкэн ИГ Кемикл. корп») (в 1939 году переименована в General anilin and film («Дженерал анилин энд филм» – ДАФ). Через неё американский банк J.P. Morgan давал займы И. Г. Фарбен в Германии, которая в свою очередь предоставляла спонсорскую помощь нацистам. Принадлежащий семье Дюпонов автомобильный концерн «Дженерал моторс» и в годы войны активно сотрудничал с Германией. В его предприятия был вложен крупный капитал корпорации «Америкэн И. Г.»; в свою очередь, руководство «Дженерал моторс» вложило в «И. Г. Фарбен» только с 1932 по 1939 годы 30 миллионов долларов. «И. Г. Фарбен» внесла весь ма крупный вклад в дело нацистского движения: к 1939 году она давала 90% притока иностранной валюты и 85% всей военной и промышленной продукции, необходимой для подготовки Германии к мировой войне. [https://ru.wikipedia.org/wiki/IG Farben](https://ru.wikipedia.org/wiki/IG_Farben)

⁴ AEG (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft с нем. – «Всеобщая электрическая компания») – немецкая компания, специализировавшаяся в области электроэнергетики, машиностроения, а также товаров для дома. До и во время Первой мировой войны – один из крупнейших производителей оружия. В 1903 году вместе с Siemens & Halske основали компанию Gesellschaft für drahtlose Telegraphie, System Telefunken (хорошо известную как Telefunken). В 1918 году одна из трёх компаний, основавших немецкую судостроительную корпорацию Deutsche Werft. Оригинальное предприятие ныне не существует, но товарная марка AEG используется шведской машиностроительной корпорацией Electrolux (бытовая техника), а также китайской группой компаний Techtronic Industries, производящей электроинструменты. Во время Второй мировой войны вермахт активно использовал инфракрасные приборы ночного видения производства компании Allgemeine Electricitäts-Gesellschaft. Первыми их получила

Засверкали фиолетовые и лиловые молнии, устремляясь к колоколу. Волосы Андрея Ивановича встали дыбом, во рту появился непонятный металлический привкус. Жидкости в трубках начали заворачивающе плавно пульсировать. Вспыхнула лиловая вспышка, ослепив следователя. Гудение колокола стихло, он прекратил вращаться и плавно вернулся в исходное положение, опустившись. Генератор заглух, но лампы на стенах продолжали гореть, приобретая ка-

немецкая противотанковая артиллерия и с 1944 года расчёты орудий Pak 40 имели возможность вести борьбу с тяжёлой бронетехникой в темноте на расстояниях до 400 метров. Следующим шагом стали приборы инфракрасного видения Sperber FG 1250, которые способствовали последнему успешному наступлению германских танковых войск в районе озера Балатон (Венгрия, 1945 год). Так как чувствительность этих приборов оставляла желать лучшего, в целях обеспечения ИК-подсветки танковым подразделениям придавались дополнительные силы в виде мощных шестикилловаттных прожекторов Uhu («Филин») на бронетранспортёрах SdKfz-250/20 (по одному на пять танков). Использование ИК-фильтров позволяло освещать ночную местность инфракрасным излучением и различать советскую технику на дальности вплоть до 700 метров, однако их эксплуатация сильно затруднялась чувствительностью оптического люминофора к ярким вспышкам, которые приводили к сильной засветке аппаратуры или даже выходу её из строя. Появление этих приборов стало одной из причин массового задействования советскими войсками зенитных прожекторов при ночном форсировании Одера и при штурме Берлина. В дополнение к прицельному оборудованию, для ночного вождения на командирской башенке немецких «Пантер» устанавливался двухсотваттный ИК-прожектор, который позволял механику-водителю танка управлять машиной по указаниям командира экипажа. AEG участвовала в разработке радиостанции «Голиаф», построенной в 1943 году у немецкого города Кальбе для нужд Кригсмарине. После войны радиостанция была демонтирована и вывезена в СССР, где в 1952 году вновь смонтирована, поставлена на боевое дежурство и используется поныне в качестве компоненты системы точного времени «Бета». <https://ru.wikipedia.org/wiki/AEG>

кое-то бледно-голубое свечение. Под потолком помещения сгустилось странное затемнение. Андрей Иванович потерял глаза. Виталий сел, слепо глядя перед собой. Потом в глазах его появилось осмысленное выражение.

– Это что за пещера Алладина? – выбрался из-под колокола, встал и подошел к столу.

– Не знаю.

– А как я тут очутился?

– Я тебя принес.

– Значит, увидели мою надпись? Сработало?

– Увидел. Ты можешь объяснить, что произошло?

– ... вот после того, как Феогнид Карлович мне все это рассказал, я и придумал написать своей кровью на стекле про заповедник. Но ни про какую пещеру он не говорил. Как вы ее нашли?

– Это не пещера, это пирамида.

– Как в Египте?

– Вроде того, но поменьше.

– Ничего себе! Никто сроду не говорил, что в заповеднике есть пирамида!

– Для меня более удивительно, что ты, полежав под этой штукой, ожил. Ты был самый настоящий мертвец.

– Не более удивительно, чем разговаривать с мертвым Феогнидом Карловичем. Вот эта штука, получается, и есть тот самый «Котел ведьм», про который он рассказывал?

– Получается, что так. Что будем дальше делать? Феогнид

Карлович ничего не подсказал?

– Кроме того, что в заповеднике можно получить шанс выжить, ничего. Предлагаю вернуться в Карловку и поспрашивать директора.

– Там сейчас наверняка полно милиции. Стрелять в милиционера у меня особого желания нет.

– У меня тоже. Но что тогда делать? Переночевать в заповеднике, а под утро нагрянуть в деревню. Милиционеры же не будут там ночью торчать? – Виталий взял МР 40, повертел в руках.

– Идея здравая, – следователь встал со стула. – Пошли наружу, что-то тут обстановка какая-то...

– Есть такое, – Виталий напялил каску. – Мы в детстве такие с Андрюхой и Витьком находили...

Андрей Иванович покосился на него.

– Кстати, – остановился, – одежду задери.

– Зачем?

– Хочу посмотреть, что с ранами.

– Верно, – Виталий повернулся спиной и, сбросив на пол лохмотья куртки, задрал футболку. – Что там?

– Шрамы от пулевых... – Андрей Иванович провел рукой по спине парня, – и как будто лет пять им...

– Нехило! Значит, заросло все? А где пули?

– Не знаю...

– А это что? – Виталий поднял с пола две бронзовые тарелочки, связанные между собой плетеным кожаным шнуром.

ком. Повертел, всматриваясь в едва различимые стертые непонятные буквы на тарелочке.

– Это тингша, они же караталы. Их в Тибете используют буддисты для медитации. Считается, что их звук помогает преодолевать границы реальности и вступать в контакт с миром духов.

– Какое отношение к Карловке имеет Тибет?

– Не знаю. Пошли.

Выбрались из пирамиды. Виталий оглянулся и присвистнул:

– Ничего себе громадина! Почему же ее из деревни не видно?

– Не знаю, – Андрей Иванович задумчиво смотрел в вечеряющее небо, – не знаю...

– Что вы там увидели? – Виталий тоже посмотрел на небо и замер. – Это же не наши созвездия?

– Нет...

– Южное полушарие? Тут где-то Южный крест?

– Даже не Южное. Это вообще не земные созвездия...

– Ничего себе! Где же мы оказались?

– Не знаю. Пошли, надо костер разжечь, пока окончательно не стемнело.

– А это что? – Виталий показал на капот «девятки».

На капоте белой глиной было написано «Джеди».

– Не знаю, – Андрей Иванович оглянулся. – Сдается мне, что мы тут не одни.

– Думаете? – Виталий щелкнул предохранителем прихваченного из пирамиды МР 40.

– Я это не писал, ты был все время со мной. Что получается? Что написал кто-то третий.

– Что-то у меня желание костер разжигать пропало... – Виталий настороженно смотрел на темную стену леса.

– Твои предложения?

– Сесть в машину и уехать отсюда.

– Уже темно, по лесу ехать опасно.

– Не опаснее, чем оставаться. Вдруг, тут бродит еще один дезертир с «калашом»? А мы стали как два тополя на Плющихе: не спеша целясь и стреляй, как в глупых домашних уток на пруду.

– Я думаю, если бы он или они хотели стрелять, то уже бы стреляли.

– Мало ли? – Виталий пожал плечами. – Не знали, сколько нас, ждали, пока все выйдут, чтобы наверняка.

– Может и так. В любом случае, выхода у нас нет. Придется ночевать здесь.

Над поляной бесшумно пронеслись три изломанные уродливые тени.

– Андрей Иванович, вы видели? – Виталий вскинул ствол, целясь в летунов.

– Вижу.

– Что это?

– Наверное, летучие мыши.

– Такие здоровые? – в голосе парня звучало сомнение. – Да в них по метру длины.

– Значит, тут такие вырастают. Знать бы только, где это тут. Еще... бытовало раньше в народе поверье, что души детей умерших некрещеными или мертворожденных, так называемых потерчат, вселяются в филинов.

– Но это явно не филины были.

– Не знаю... Залезай в машину, будем в ней спать.

– Как скажете.

Ночь прошла на удивление спокойно. Утром проснувшийся следователь с удивлением наблюдал за оленем, не спеша идущим по поляне вдоль пирамиды. От обычного оленя его отличали более крупные размеры и вторая пара рогов, росших пониже первых, таких же ветвистых. Рога переплетались между собой, но оленя это несколько не смущало. Андрей Иванович толкнул Виталия.

– Что там? – прошептал мгновенно проснувшийся Виталий, вскидывая МР 40.

– Смотри вперед.

– Что это?

– Олень здешний...

– С четырьмя рогами?

– Как видишь.

– Странное место. Да и здоровый он какой-то...

– Согласен.

– Может, подстрелим сохатого? – в Виталии проснулся охотничий азарт.

– Зачем?

– Мяса сколько пропадает.

– Ты уверен, что его мясо можно есть?

– Ну... не знаю...

– То-то и оно. И вообще, зачем тебе столько мяса? Ты же собрался в Карловку нагрять.

– Ваша правда, Андрей Иванович, хотя при виде таких рогов любой охотник умер бы от зависти.

– А любой муж – нет.

– Хорошая шутка. Предлагаю сходить в туалет и выдвигаться.

– Предложение принято.

Помочившись и умывшись обильной росой с травы, сели в машину. «Девятка» завелась легко, будто и не глохла накануне. Следователь развернул ее и... уперся в стену леса.

– Странно, тут вчера была дорога.

– Вы уверены? Ощущение, что тут сроду никакой дороги не было.

– Я же вчера сумел сюда приехать?

– Вы могли с другой стороны приехать.

– Нет, машина, как заглохла, так тут и стояла.

– Пока мы были внутри той шутки, – Виталий показал

большим пальцем себе за спину на пирамиду, – тот, кто написал на капоте, мог перегнать машину на другое место.

– Звучит бредово, но все может быть, – машина поехала по периметру поляны, объезжая пирамиду против часовой стрелки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.